

КОЛОНКИ: ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ИСТОРИЮ И ПОЛИТИКУ

ПОИСК

ГЕФТЕР *beta*[Журнал](#)[Гид](#)[Тезисы](#)[Популярное](#)[Авторы](#)[Архив Гефтера](#)[Владимир Кантор](#)**Русский фронт и русские священники — второй эшелон русского просвещения (Начала Чернышевского)****Выходцы из священнического сословия и эпопея европеизации имперской общественной мысли**[Карта памяти](#) 20.05.2016 // 👁 313

© Ходячий Петербург

1. Евразийский центр России***Срубленное древо жизни***

В истории русской (и любой) культуры можно назвать не одного великого человека, образ которого обростал слухами, сплетнями, легендами. Россия богата на неожиданные повороты в судьбах тех, кем потом она стала гордиться. Ее культурные герои не только делали свое прямое дело — творили, но участвовали в войнах (Державин, Лермонтов, Лев Толстой, Леонтьев), погибли на дуэлях (Пушкин, Лермонтов), уехали в эмиграцию (Печерин, Герцен, Огарев), проходили страшный опыт казни и затем каторги (Достоевский, Чернышевский), я уж не говорю о добровольной поездке Чехова в каторжный Сахалин и трагедиях революции и пореволюционного изгнания. Сразу, однако, хочу сказать, что в своем рассказе я ограничиваюсь XIX веком. Впрочем, это век более чем репрезентативный, век, когда возникли идеи и судьбы, ставшие определяющими для дальнейшего развития страны. Архетип русской культуры с ее катастрофами и взлетами в свернутом виде, быть может, острее всего можно увидеть именно в этом спокойном столетии. Однако два царубийства, выступление декабристов (которое называют восстанием, хотя оно не было даже мятежом), казни оппонентов режима, дикая цензура и попытки реформ, вместе с тем неумение власти слушать своих реформаторов (того же Сперанского, Чернышевского, Чичерина, Столыпина), которое приводило к несправедным судам и роковым ошибкам, в конечном счете, к убийству **царя-освободителя**, а затем и революциям 1917 года и расстрелу царской фамилии.

Но поскольку герой моего повествования — Николай Гаврилович Чернышевский (иногда буду писать — НГЧ), человек, в сознании интеллектуалов ставший своего рода фантомом, в девятнадцатом веке воспетый, в двадцатом превращенный в монстра как предшественник большевизма и едва ли погубитель России, я должен попытаться преодолеть фантомность этой фигуры. Хотя противник русского радикализма Василий Розанов, оценивая его судьбу, винил в ней самодержавие, вознес Чернышевского более, чем высоко: «Конечно, **не**

использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, “чтобы ободрать на лапти” Обломовым» [1]. Действительно, каторга Чернышевского, случившаяся практически в самом начале его деятельности, после примерно десяти лет участия во вполне легальном подцензурном литературном процессе, выглядит, по меньшей мере, дико, поскольку ни одно обвинение против Чернышевского не было подтверждено. Самое дикое и глупое в этом было, что именно Чернышевский решительно выступал против радикализации общественной жизни. Но вместо живого человека уже существовал некий фантом в восприятии императора. Казнили фантом.

Великий парадоксалист-романист Владимир Набоков воскресил образ Чернышевского: вначале в романе «Дар», где иронически изображенный им эстет с комической фамилией Годунов-Чердынцев пишет книгу о Чернышевском и приниженный эстетом мученик вдруг заслоняет собой эстетствующего эмигранта, а потом в «Приглашении на казнь», где, как блистательно показал Александр Данилевский, за основу сюжета он берет трагическую судьбу Чернышевского, показывая всю фантазмагоричность суда над ним и дикой казни, казни за идеологическое преступление, потому что думал иначе, чем приказывало начальство [2]. Но тексты Набокова попали на определенную матрицу, и в его романах увидели лишь подтверждение своей постбольшевистской неприязни к мыслителю, пропавшему на каторге. Большевики искали предшественников в отечестве. Политический каторжанин Чернышевский очень подходил для такой цели. Чернышевский был звездой оппозиции. Его имя могло окормить новых революционеров. Как писал Бердяев, «необходимо отметить нравственный характер Чернышевского. Такие люди составляют нравственный капитал, которым впоследствии будут пользоваться менее достойные люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости. Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского “нигилизма” был почти святой. Когда жандармы везли его в Сибирь, на каторгу, то они говорили: нам поручено везти преступника, а мы везем святого» [3].

При этом сегодня многие исследователи, да и просто люди, связанные с литературой и философией, говорят и пишут, что Чернышевский был вне контекста высокой русской культуры. Недавно я получил отклик на одну из своих статей о НГЧ от своего старого приятеля, хорошего литературоведа (не буду называть имени): «С Чернышевским очень многое запутано, многое совершенно неясно. У него очень много от Петрашевцев, от Ханькова. <...> Чернышевскому же не повезло: он не общался с Лажечниковым, со Станкевичем, с Боткиным, с Грановским, с сестрами Бакуниными и даже с самим бешено-ледяным Мишелем (вот уж настоящий “дворянчик”, вот уж “весьма опасен”, но умен, черт побори, умен!). Общественная среда Чернышевского — приволжская провинция, врачи, инженеры, духовенство». Но так ли? Ведь автор письма не говорит о среде, в которой вырос Белинский, о его детстве, когда он был брошен на няню, бившую и душившую его, чтоб он не беспокоил ее своим плачем, об отце, который, по словам самого критика, «пил и вел жизнь дурную». О детстве Чернышевского разговор особый. Но автор даже не заметил его филологической университетской школы! Не надо ведь забывать (точнее сказать, надо знать), что он был любимым учеником знаменитого филолога И. Срезневского, составил словарь к Ипатьевской летописи. Диссертацию писал у профессора, либерального цензора А.В. Никитенко, сумевшего пробить в печать «Мертвые души» Гоголя. Его отца звал к себе на службу граф Сперанский. Это стало семейной легендой, которую НГЧ потом преобразовал в замечательную статью «Русский реформатор». Семейно общались с историком Н.И. Костомаровым. А двоюродный брат Чернышевского, его верный друг — академик А.Н. Пыпин! Чем он хуже того же В.П. Боткина?! Разве, что не сластолюбец, как «Васяка Боткин», по выражению автора письма. Но вот культурный контекст Чернышевского — Некрасов, Панаев, Панаев, Добролюбов, Лев Толстой, К.Д. Кавелин, Ф.М. Достоевский, Плещеев, Шеллин, Антонович, А.К. Толстой, русский генералитет, если враги и противники тоже считаются, то это Герцен, Огарев, Дружинин, Григорович, Тургенев, Катков, и т.д. В конце жизни дружит с ним купец К.Т. Солдатенков, первый издатель Белинского, и В.Г. Короленко, один благороднейших русских писателей. Лучшие воспоминания о НГЧ принадлежат именно Короленко. Его еще при жизни читал Карл Маркс, считал самым великим русским мыслителем. Может, это сейчас не красит моего героя. Но много ли русских авторов были при жизни замечены на Западе!

Он был ступком энергии, тем самым вечным двигателем, который он хотел создать в молодости, и лучи этой энергии, как силовые линии магнитного поля, притягивали самых разных людей и после смерти. Его поклонники — это Плеханов, Ленин, Луначарский, но и Владимир Соловьев, Василий Розанов, Николай Бердяев. Левым, как писал Бердяев, он был выгоден, русские независимые мыслители видели в нем одну из значительнейших фигур русской истории.

Это что же, спросят меня, **апология**? Да, если понимать слово не в расхожем («восхваление»!), а в словарном смысле — как **защиту** кого-либо. Да и как не попытаться защитить! Человек, не получивший защиты при жизни, имеет право хотя бы на посмертный и по возможности непредвзятый анализ сделанного им.

Волга как «русский Нил»

Напомню, что Чернышевский был родом из Саратова, города на Волге. Город был поставлен в 1590 году как сторожевая крепость на месте средневекового золотоордынского городища. У древних существовало понятие «гений места». Думаю, что и в самом деле «месторазвитие» (термин евразийцев) играет немалую роль в становлении определенного типа героя. Обычно, говоря о местах, где концентрировалась послетатарская русская мысль и русская культура, называют два города, две столицы — Москва и Санкт-Петербург. Разумеется, именно столицы были средоточием талантов, которые хотели и могли вырваться наверх. Но было еще одно место, еще один локус, таланты порождавший, где они получали первоначальное развитие и сыгравший огромную, ни с чем не сравнимую роль в русской истории. Это — Волга! **Наш русский фронтир!**

Василий Розанов назвал Волгу русским Нилом: «“Русским Нилом” мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил — не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому, как мы говорим “святая Русь” в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание “кормилица”. “Кормилица-Волга”» [4].

А теперь я напомню, кто были выходцы с этой реки.

Стоит, разумеется, начать с нижегородского купца Минина и князя Пожарского, собравших на свои деньги ополчение и спасших московскую Русь, когда правительство уже не знало, какому разбойнику-самозванцу служить или под какого иностранного короля идти — польского или шведского. Это незабываемое в истории России движение с берегов Волги для спасения всей страны.

С берегов Волги пришли патриарх Никон и протопоп Аввакум, то есть истоки русского раскола тоже отсюда. По Волге ходили струги Стеньки Разина, Саратов захватывал и злодействовал там Пугачев. А войско Пугачева — это не только казаки и великорусские крестьяне, но и народы Поволжья: татары, калмыки, черемисы, мордва. Неслучайно поэт Державин, в клетке привезший Пугачева в Петербург, назвал Екатерину Великую «Богородицею царевна / Киргиз-Кайсацкия орды!». А сама Екатерина именовала себя «казанской помещицей». Любопытно, что Державин, прошедший евразийское пространство России, не принял сентиментальный текст Радищева, который посмел

проехать только из Петербурга в Москву, от одной столицы до другой. Как замечал тот же Розанов, считавший себя волгарем, на Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточиями своими в далекую Азию. Какой тоже мир, какая древность — другой самостоятельный «столп мира», как Европа и христианство. Это настоящее евразийское пространство. Волга рождала не только разбойников и протестантов типа семейства Ульяновых, Свердлова, Горького, Керенского, но и людей, создававших русскую литературу и культуру: Державин, Карамзин, Мельников-Печерский, Гончаров, Добролюбов, великий художник Борис Кустодиев, из Саратова были Николай Чернышевский, философ Георгий Федотов, губернатором Саратова был несколько лет великий реформатор П.А. Столыпин, основавший в Саратове университет, там родились писатель Константин Федин, актер и режиссер Олег Табаков. Прошедшие этот плавильный евразийский котел были людьми, понимавшими Россию лучше столичных жителей. Опыт Пушкина — ссылки, опыт Лермонтова — кавказская война, как и у Льва Толстого (да еще и крымская), соприкосновение с нутряной Россией. Достоевскому пространством познания России стала каторга, где он понял имперскую необъятность страны.

Чернышевскому это знание дано было с детства. Вот простая история, зафиксированная им в автобиографии. Один из родственников НГЧ был захвачен степняками («киргиз-кайсаками»), ему «подрезали пятки, чтоб он не убежал; подрезывание пяток состояло, по нашим сведениям, в том, что делали на пятках глубокие прорезы и всовывали туда поряточные комки мелко изрезанного конского волоса или свиной щетины, потом заживляли разрезы. После этого, человеку надобно было ходить, не ступая на пятки, — если же ступать на пятки, то от волоса или щетины делается нестерпимо больно. Стало быть, пленник может ходить на недалекие расстояния, медленно, и годен к работе, но к бегству неспособен. Однако ж, и с подрезанными пятками наш родственник решился бежать и ушел ночью. Всю ночь шел, как стало светать, лег в траву; так шел по ночам и лежал по дням еще несколько суток, с первого же дня часто слыша, как скачут по степи и перекрикиваются отправившиеся в погоню за ним. Они употребляли, между прочим, такую хитрость, вероятно часто удававшуюся им с беглецами, не имевшими силы сохранить спокойствие в своей страшной опасности: кричали “видим! видим!” — чтобы беглец попробовал переменить место, перебраться из открытого ими приюта в другой; тогда бы они и увидели его над травой или распознали по колыханию травы, где он ползет. Наш родственник не поддался, выдержал страхи. Особенно велика была опасность, когда он уже дошел до какой-то реки и пролежал день в ее камышах. Ловившие его много раз бывали очень близко к нему, иной раз чуть не давили его лошадьми, но все-таки он уберется незамечен, добрался до русских, пришел домой цел и стал жить подобру-поздорову. Эта картина его прятания и ловли в камышах довольно сильно действовала на мое воображение. Не скажу, чтобы я много, часто и сильно переносился к ней в своих мечтах. Но все-таки она, бывшая темой моих грез довольно редко, рисовалась в них чаще всего остального чрезвычайного, необыденного, что случилось мне слышать в детстве за правду, бывшую с людьми мне известными или известными кому-нибудь из известных мне» [5].

Надо понять, что это было не случайностью, а бытом. Жили на фронтире.

Киргиз. По рис. Л. Вульфа. 1815

Поэтому он отвечал на знаменитый тезис Чаадаева, что «Петр Великий нашел свою страну листом белой бумаги, на котором можно написать что угодно. К сожалению, — нет. Были уже написаны на этом листе слова, и в уме самого Петра Великого были написаны те же слова, и он только еще раз повторил их на исписанном листе более крупным шрифтом. Эти слова не “Запад” и не “Европа” <...>; звуки их совершенно не таковы: европейские языки не имеют таких звуков. Куда французу или англичанину и вообще какому-то ни было немцу произнести наши Ц и Ы! Это звуки восточных народов, живущих среди широких степей и необозримых тундр» (Чернышевский, VII, 610).

Такое можно написать, только твердо зная свою страну. Любопытно, что первая работа Чернышевского, до сих пор не опубликованная, была посвящена татаро-монгольскому прошлому Руси на материале Саратовского края. Начну с отрывка из воспоминаний двоюродного брата Чернышевского А.Н. Пыпина, писавшего, что «татарский язык не был обязателен для всех, но Н.Г. Чернышевский ему учился и, вероятно, довольно успешно. В то время епископом саратовским и царьцынским был довольно известный Иаков (Вечерков), впоследствии архиепископ нижегородский. <...> При нем совершались едва ли не первые исследования древней ордынской столицы — Сарая — в прежних пределах Саратовской губернии, за Волгой. <...> Без сомнения, в связи с этими исследованиями остатков татарского владычества находилась одна работа, которая исполнена была Н.Г. Чернышевским по поручению или предложению арх. Иакова. Это был довольно подробный обзор топографических названий сел, деревень и урочищ, которые Н.Г. собирал или проверял по огромной подробной карте, которую приходилось раскладывать на полу; к этому списку Н.Г. прибавлял татарское написание этих названий и перевод на русский язык» [6]. Это первая самостоятельная работа Чернышевского. Рукопись с надписью «По поручению Преосвященного, о селениях Саратовской губернии с татарскими названиями, 1845» хранится в ЦГАЛИ. Конечно, уже эта первая работа показывает невероятную трудоспособность юноши.

повышались у тех, кто получал семинарское образование. Но такая возможность появлялась очень редко, и еще реже попадавшие в семинарию могли благополучно окончить курс. Однако постоянная материальная нужда, незнатность происхождения, отсутствие привилегий выработывали характерную для разночинцев жизненную стойкость, трезвое отношение к жизни. <...> Из поколения в поколение переходила выковываемая в постоянной борьбе за существование воля, привычка полагаться только на себя, упорное стремление улучшить свою жизнь. Это отчетливо проглядывает в настойчивых попытках сельских священнослужителей дать своим детям семинарское образование» [10].

Саратовская духовная семинария

Существенно, что учебная программа русской семинарии позволяла получить образование, если и не университетское, то все же развивавшее и ум, и кругозор семинариста. Что же входило в эту программу? Немало! Российская и латинская грамматика, арифметика, священная и всеобщая история, география. Особое внимание уделялось латинскому языку: в высших классах на латыни (до 1840 года) преподавались основные курсы — философия и богословие. Изучались также основы российской и латинской поэзии, а из языков — греческий и французский. Образование было серьезное. Конечно, прежде всего, богословское. Напомню, что именно бурсак философ Хома Брут распознал в панночке ведьму. Гоголевский «Вий» уже вводит в литературу семинариста как главного героя. Мы часто судим о русских православных семинариях по «Очеркам бурсь» Н.Г. Помяловского, где нарисовано полнейшее безобразие учеников и учителей. Понятно, что такое можно написать, только пройдя годы пребывания в этом заведении. Но, как мы знаем, учеба в бурсе не помешала Помяловскому стать замечательным писателем. Дело в том, что в семинариях, как и везде, многое зависело как от программы, так и от ученика, который эту программу усваивал или не усваивал. Можно назвать немало российских сочинений, где школьные годы автора описаны зло и с тоской (хотя бы пансион, где учился Аркадий Долгорукий в «Подростке» Достоевского, «Гимназисты» Гарина-Михайловского, «Конduit» Кассиля). Но мы знаем блистательных деятелей русской культуры, вышедших из семинарии.

Сошлюсь на великого специалиста в русском богословии Г.В. Флоровского: «Именно в духовных академиях русская философская мысль впервые ответчиво встречается с немецким идеализмом. Преподавание философии здесь было обширным. И только в духовных школах философия как предмет преподавания ускользнула от погромов и запретов Николаевского времени, когда из университетов эта “мятежная наука” бывала и вовсе изгнана (в 1850 году, в управление кн. Пл. А. Ширинского-Шихматова)» [11].

Духовные достижения русской семинарии

А если назвать имена выдающихся деятелей России, прошедших семинарию уже в XIX веке, то их перечисление заняло бы не одну страницу. Напомню некоторые, так или иначе вошедшие в литературу и философию. Первый русский реформатор **Михаил Михайлович Сперанский** (фамилия не родовая, а данная семинарским начальством за надежды, которые он возбудил своим учением), окончивший семинарию, где усвоил блистательно весь курс — то есть древние языки, риторику, физику, математику, философию и богословие. Отец — причетник в церкви, мать — дочь дьякона, но благодаря успехам в семинарской учебе мальчик был замечен. Библиотека семинарии была большая — в подлинниках, древние и новейшие авторы; свободно владея французским языком, Сперанский читал просветителей (Дидро, Вольтера и др.), оставшись на всю жизнь их последователем. Повторю: мы совершенно не представляем себе уровня семинарского обучения. Разумеется, светскости семинария не давала, свободно говорить на западноевропейских языках мало кто умел (Чернышевский всю жизнь страдал от своего плохого произношения, но свободно читал практически на всех важнейших языках). Сперанский, призванный поначалу к князю Куракину как делопроизводитель, шаг за шагом поднялся до невероятных высот, стал другом императора Александра и получил графский титул. В его карьере были не только взлеты, но и падения. Но он был примером для молодых честолюбивых семинаристов, показывая им возможности и силу образования. Оставим пока Сперанского, к этой теме еще придется вернуться, ибо в каком-то смысле его судьба стала матрицей судьбы Чернышевского, как об этом невольно написал последний.

Напомню еще имена. Тут нельзя миновать **Александра Петровича Кунцина**, учителя Пушкина, профессора Царскосельского лицея, сына дьячка из Тверской губернии, учившегося в Геттингенском и Гейдельбергском университетах. Пушкин писал:

*Кунцину дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжжена.*

Замечательный критик, предшественник Белинского, **Николай Иванович Надеждин** — тоже семинарист, как и Сперанский, получивший свою фамилию по результатам учебных успехов. Родился в семье сельского дьякона. Учился в рязанском духовном училище (1814), затем в Рязанской духовной семинарии (1815–1820), отсюда поступил в Московскую духовную академию (1820–1824). После окончания академии преподавал в рязанской духовной семинарии. В 1830 году Надеждин защитил диссертацию в Московском университете. Диссертация была написана о романтической поэзии на латинском языке. Опиравшийся едва ли не первым в России на труды немецких философов — Канта, Фихте, Шеллинга, — профессор Московского университета, издатель Николай Надеждин помимо своих замечательных статей выдающихся

современников опубликовал в своем журнале «Телескоп» письмо Чаадаева, за что был сослан в Усть-Сысольск. У него учился знаменитый любомудр из дворян Н.В. Станкевич.

У нас любят противопоставлять как бы вольного эстетика и критика **В.Г. Белинского**, возникшего, как феникс из чьего-то пепла (литературовед, восторженно пишущий о «Висяще»), семинаристу Чернышевскому. Но интересно, что **дед Виссариона Белинского по отцу был священником в селе Бельни Нижнеломовского уезда (о. Никифор) Пензенской губернии, что объясняет происхождение фамилии**. Любопытно, что Тургенев писал том, что именно в великорусском духовенстве текла беспримесная кровь, без чуждых влияний. То, что Тургенев был неточен, достаточно очевидно, поскольку великорусское племя создавалось из смеси многих этносов, особенно в поволжской провинции.

Если дальше пойдем по хронологии, то назовем семинаристов — **Чернышевского, Добролюбова, Антоновича, Помяловского**. Великий русский историк **Василий Осипович Ключевский** тоже прошел семинарию прежде университета. Духовное сословие дало русской культуре почти столько же великих людей, сколько дворянство. Скажем, лучший русский драматург **Александр Николаевич Островский** был внуком священника, его отец кончал семинарию и Московскую духовную академию. Надо также помянуть, что сыном священника был другой великий историк, ректор Московского университета **Сергей Михайлович Соловьев**, отец философа **Владимира Сергеевича Соловьева**, посвятивший свой главный философский труд «Оправдание добра», историку отцу и деду священнику, подчеркивая свое происхождение. Существенно отметить, что Чернышевского и в момент его катастрофы, и после поддержали и отец, и сын Соловьевы. Причем если отец только осуждал в кулуарных разговорах арест и казнь мыслителя, то сын написал статью «Первый шаг к положительной эстетике», в которой поддержал его философско-эстетические идеи, и биографическую статью о нем. Кстати, поддержка религиозным философам диссертации, которую принято называть материалистической, заставляет задуматься о правильности привычной трактовки идейного наследия Чернышевского. Вообще, о близости идейной и даже ментально физиологической Владимира Соловьева и Николая Чернышевского мне еще предстоит случай сказать. Начиная свою деятельность в XIX веке знаменитые русские философы **Василий Васильевич Розанов** и **Сергей Николаевич Булгаков** — тоже выходцы из духовного сословия. Вообще надо подчеркнуть, что не только в Духовной академии, но и в семинариях преподавали философию, которой не было в университетах. Снова сошлюсь на Флоровского: «В духовной школе закладывались основания для систематической философской культуры. И нужно прибавить: философия преподавалась не только в академиях, но и в семинариях, и по довольно широкой программе. Это был единственный тип средней школы с серьезным развитием философского элемента» [12].

Начиная с середины XIX века священники становятся героями художественной литературы, ибо именно в них писатели пытались найти силу, способную образумить народ и общество. Тут стоит вспомнить «Бесы» и «Братья Карамазовы» (Тихона и Зосиму) Ф.М. Достоевского, «Соборяне» и «Запечатленный ангел» Н.С. Лескова, «Архиерей» А.П. Чехова, «Краткая повесть об антихристе» (старец Пансофий) В.С. Соловьева. Делал из себя религиозного мыслителя Лев Толстой. Происходила любопытнейшая трансформация в сознании образованного общества. Оно почувствовало, что Крещения князя Владимира недостаточно, чтобы страна стала христианской, поскольку вера не прошла этап рефлексии, столь необходимый для подлинного усвоения религиозных начал. Если романская Европа этот этап прошла в эпоху апологетов еще в Римской империи, а затем повторила его в Крестовых походах, германская Европа — в эпоху Лютера и становления протестантизма, когда все слои с необходимостью решали проблему своего религиозного бытия, то в России этап рефлексии (старообрядчество) был купирован государственной властью.

Церковь и власть

Дело в том, что русская Церковь развивалась с самого начала как структура, подчиненная власти. Христианство на Руси шло не снизу усилиями апостолов, подвижников и мучеников, но вслед княжеским решениям. Неслучайно «к русским святым наименование великомученика не прилагалось» [13]. Христианским монахам и книжникам не приходило в голову войти в конфликт с властью в Древней Руси. Силой власти, а не силой слова шло на Руси приобщение к христианской вере, так что с самого начала вера была державная. По словам первого русского митрополита, «не было ни одного противящегося благочестивому повелению его (князя Владимира. — *В.К.*), даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему *сие*, ибо благоверие его сопряжено было с властью» [14]. Если сопротивление и было, то со стороны язычников из народа, ибо православие поначалу было княжеской и городской верой [15]. Митрополитов на Русь поставлял Константинополь. Пока Константинополь был силен, Церковь на Руси обладала некоторой независимостью. После падения Царьграда власть стала менять и изгонять неугодных митрополитов (при Василии Темном митрополит Исидор, поддерживавший унию Ферраро-Флорентийского собора), а то и убивать их (митрополит Филипп при Иване Грозном). И Церковь, за исключением св. Филиппа (праведника, но не общественного деятеля), склонилась перед государством. По грустным словам Федотова, «всякая постановка общественных целей для православной церкви отвергается как католический соблазн, отталкиваясь от которого приходят к своеобразному аскетическому протестантизму: царство Божие и царство Кесарево остаются навеки разделенными. Эта духовная, метафизическая раздельность не мешает благословению царства кесаря, и тогда уже — именно в силу религиозной отрешенности — благословение не знает ограничений. Благословляется всякая власть, все деяния этой власти. Вопрос о правде — общественной правде — не поднимается, считается не подлежащим церковному суду» [16].

Автокефальность тоже не добавила Церкви свободы. Поставив в 1589 году патриархом Иова, священника с «опричным прошлым», т.е. человека, привыкшего выполнять государевы указы, Борис Годунов хотел послушной Церкви, которая помогла бы идее некоего равенства русского царя с василевсами второго Рима. «Иов, — замечает исследователь, — окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория “Москва — третий Рим” впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и, таким образом, превратилась в официальную доктрину» [17]. Но, как отметил Карташев, титул патриарха не изменил хода церковных дел, Церковь оставалась по-прежнему все так же замкнутой и отгороженной от мира структурой. Собственно, упразднив патриаршество, Петр Великий юридически оформил это подчиненное положение Церкви, образовав Синод, своего рода государственный департамент по делам Церкви. Об этом абсолютно точно сказал А.С. Хомяков: «Не должно его (Петра. — *В.К.*) свинять в порабощении церкви, потому что независимость ее была уже уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве» [18]. Петр образует Синод по принципу, как отмечали разные исследователи, протестантских церквей, скажем, англиканской, где король — глава Церкви. Однако это всего лишь внешнее сходство. Святейший Правительствующий Синод, образованный в 1721 году Петром, лишь в принципе управлялся государем, но по сути был подчинен одному из чиновников царя — обер-прокурору. Церковь становится одним среди прочих департаментов государства. Далее ситуация скорее ухудшается.

При Николае I, хотя православие и народ вроде бы два столпа государства, пастырская деятельность православных священников по сути была невозможна, ибо обращение к народу шло на языке церковнославянском, народу мало внятном. Перевод Библии на русский язык готовился еще при Николае, но усилиями адмирала Шишкова первое издание Библии по-русски было сожжено. Аргумент адмирала был прост: славянский язык и русский различаются как высокий и низкий, простонародный. Читать Библию по-русски значит унижить ее высокое предназначение. Чтение Библии по-русски означало шаг от простого и солдатского повиновения и послушания к самостоятельному разумению и рассуждению.

Первое русское издание Библии (синодальное) вышло только в 1876 году. Вместе с тем социалистические учения в самом диком — разбойно-анархистском — виде (Бакунин, Ткачев, Нечаев) к этому моменту стали фактом русской жизни. В 80-е годы Россия получила уже тексты Маркса, которые приняла с религиозной истовостью. Здоровые идеи христианского социализма не могли привиться на русской почве, ибо не было русскоязычных проповедников этих идей (некий намек на христианский социализм можно найти в художественном творчестве Достоевского). Священнослужители были далеки от современного прочтения Библии. Да и отношение народа к приходским батюшкам было соответствующее, лишённое всякого уважения. Достаточно напомнить знаменитые «Заветные сказки», собранные А.Н. Афанасьевым и, разумеется, не вошедшие в основной корпус его трехтомника. Самые скабрёзные, похабные и матерные сюжеты «Заветных сказок» связаны с попом, попадьей и поповной. Для тех, кого миновала эта книга, можно напомнить облагороженную пушкинским гением «Сказку о попе и о работнике его Балде», которая вполне передает эту усмешку простого мужика над священнослужителем и пушкинский изящный эротический подтекст:

*Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится*

Балда не только с женщинами спор, он и в работе хваток, он и храбр. Не поп, а Балда справляется с чертями.

Рисунки Пушкина к «Сказке о попе и о работнике его Балде»

Немалую роль в умственном окостенении и неумении работать с паствой играло и то, что Церковь не выступала как духовная сила, а как принудительная официальная система, что не могло не смущать наиболее тонких и умных русских политических деятелей. «Мы, по-видимому, с величайшей заботливостью, — писал М.Н. Катков, — охраняем нашу православную церковь; но в способах, которые для этого нами употребляются, не видно, чтобы мы были убеждены в ее истине и были уверены в ее силе. Мы охраняем ее как политическое учреждение и для этого слишком жертвуем ею как великою христианскою церковью. Мы довольствуемся тем, чтоб она представляла собою хорошо выработанный бюрократический механизм, и весьма естественно, что она дает у нас только такие результаты, которые свойственный механизму этого рода» [19]. Более того, возникло напряженное противоречие между реальным **подчиненным** положением Церкви и заявленной правительством ее первенствующей роли.

Одним из вариантов решения этой проблемы мы можем увидеть в судьбе Чернышевского. Сын священника лучше многих других видел эту невозможность через Церковь воздействовать на публику, неслучайно едет он учиться в университет, ищет других путей, чтоб с помощью Бога, как он писал, пригодиться своему отечеству. Но чего же нужно желать России? Как и Пушкин, он думает об избавлении от «азиатского невежества». При чем здесь, однако, христианство? Сошлюсь на Владимира Соловьева: «Через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а, следовательно, невозможно и христианское царство» [20].

Прошедшие семинарскую выучку оказались востребованы в светском обществе. Но они были востребованы не в качестве деятелей Церкви. И вместе с тем лучшие из них несли в себе воспринятую в детстве религиозную установку. Как правило, это были дети городских священников. Но они несли в своей памяти рассказы, в какой «глухой глуши» жили их деды и прадеды. Вообще, нелегко вообразить бедность и дикость, в которую было погружено деревенское духовное сословие, мало чем отличавшееся по уровню жизни от беднейших крестьян.

2. Отец и сын, или «Надежда русской Церкви»

В автобиографических заметках в опубликованной посмертно «Повести в повести», называя себя Эфиопом, НГЧ так описывал себя:

«БИОГРАФИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭФИОПА. Я родился в Саратове, губернском городе на Волге, 12 июля 1828 г. До 14 лет я учился в отцовском доме. В 1842 году поступил в низшее отделение (риторический класс) Саратовской духовной семинарии и учился в ней прилежно. В 1846 году поступил в императорский СПбургский университет, на филологический факультет. Был прилежным и смиренным студентом, потому в 1850 г. получил степень кандидата. По окончании курса поступил преподавателем русского языка в...

Кажется, впрочем, это несколько сухо. Не надобно ли мне изобразить себя более осязательными чертами? — Можно.

В настоящее время (осень 1863) мне 35 лет. Рост мой 7 $\frac{1}{4}$ или 7 $\frac{1}{2}$ вершков. Цвет волос — русый; в детстве, как у многих поволжан, был рыжий. Лицом я некрасив. Глаза у меня серые.

Довольно, я полагаю» (12,134–135).

Это своего рода самоэпитафия.

Замечательное свойство мыслителя — самоирония. Скажем, описывая свой смех (в романе «Пролог» с «пронзительными и ревущими перекатами»), он завершает иронический портрет героя: «Мелодичности своих рулад он нисколько не удивлялся, но решительно не понимал и сам, как это визг и рев выходят у него такие оглушительные, когда он расхохочется. Обыкновенным голосом он говорил тихо, и пока он не начинал, по забывчивости, давать волю своей глотке, никто бы не мог ожидать, что он перекричит и петуха и медведя». В России таким смехом в России, кроме Чернышевского, обладал еще только Владимир Соловьев, столь же иронически способный описать себя. Да и Чернышевского высоко ценивший. Вот его автоэпитафия:

*Владимир Соловьев лежит на месте этом;
Сперва был философ, а ныне стал скелетом.
Иным любезен быв, он многим был и враг;
Но без ума любив, сам ввергнулся в враг.
Он душу потерял, не говоря о теле:
Ее диавол взял, его же собаки съели.
Прохожий! научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.*

И это при весьма высоком осознании у обоих своего призвания, о чем и посторонние говорили им не раз. Но только самоирония позволяет человеку такого масштаба не потерять ясность ума. Почему, однако, «эфиоп»? Тут вижу, по меньшей мере, два объяснения. Во-первых, эфиоп — это чернокожий, т.е. отличный от «белой кости» высшего общества, дикий, *простодушный*, почти индеец, если вспомнить Вольтера. Напомню, что книги просветителей в семинарии были, на них, скажем, воспитывался Сперанский. Во-вторых, как все знали, эфиопом был великий Пушкин, не очень признанный при жизни. Иными словами, протягивается ниточка между автором и родоначальником русской литературы.

Но как он стал эфиопом? Вряд ли он таким родился.

Родился он в Саратове. Но многие рождались в Саратове. Эфиопами они не стали. Добавим еще строчку из самопризнания эфиопа: «До 14 лет я учился в отцовском доме». Это уже горячее. Что за дом? И что за отец? Кто учил эфиопа?

* * *

«Всегда отец священен в моих глазах» (I, 38).

Взаимоотношения отца и сына в контексте христианской парадигмы являются важнейшим показателем возможностей данной культуры к творческому развитию, шанс на это развитие или показатель краха культуры в случае разрыва этих отношений. «Отцы и дети» — неслучайная тема русской классической литературы. Почему неслучайная?

Долгое соприкосновение, даже долгое совместное проживание с кочевой, нецивилизованной степью (столетия татарского господства!) родило своеобразный симбиоз, который предопределил весьма серьезное различие в российском варианте взаимоотношения «отцов и детей» от варианта западноевропейского. **Различие это — в невероятной остроте конфликта поколений в России**, намного превышающей конфликтность западноевропейскую. Это различие прекрасно видно из сравнения двух классических произведений западноевропейской и русской литератур, давно уже признанных вершинными в мировой культуре, — «Гамлета» Шекспира и «Братьев Карамазовых» Достоевского.

Сравнение это не надуманное, уже в самом романе русского писателя не раз звучит сопоставление двух типов отношения к жизни — гамлетовского и карамазовского. Все они даны в репликах персонажей, но значит это, что сам Достоевский предлагает нам **меру и тип** для сравнения. Приведем одну из этих реплик (из обвинительной речи прокурора): «Может ли Карамазов по-гамлетовски думать о том, что там будет (т.е. в загробной жизни. — В.К.)? Нет, господа присяжные, у тех Гамлеты, а у нас еще пока Карамазовы!»

В чем же разница?

Начнем с отцов. Отец Гамлета, король, о нем говорит Горацио: «Его я помню; истый был король». Отец братьев Карамазовых, старик Карамазов, при первом же своем появлении на страницах романа замечает о себе, что «точность есть вежливость королей». На реплику своего родственника: «Но ведь вы по крайней мере не король», — тут же шутовски отвечает: «Да, это так, не король. И представьте, ...ведь это я и сам знал, ей-Богу!» То есть перед нами два отца — король и шут, даже не претендующий быть королем, хотя и намекающий (для читателя) на возможность подобного сближения.

Отношение детей. Гамлет об отце: «Он человек был, человек во всем; // Ему подобных мне уже не встретить». Он не может расстаться с отцом, хотя тот мертв: «Отец!.. Мне кажется его я вижу... В очах моей души». Сам облик отца говорит Гамлету о божественной сотворенности человека: «Поистине такое сочетание, // Где каждый бог вдавил свою печать, // Чтоб дать вселенной образ человека». Смерть отца — для него почти космическая катастрофа: сюжет трагедии — месть за отца. Дмитрий Карамазов отца иначе чем «псом» и «Езопом» не называет. Езоп в его словоупотреблении значит шут и «урод». Про отца он восклицает: «Зачем живет такой человек!.. Скажите мне, можно ли еще позволять ему бесчестить собой землю». То есть уровень тоже вполне космический, хотя и с другим знаком, поэтому кричит он отцу: «Проклинаю тебя сам и отрекаюсь от тебя совсем...» Это прямое отличие от Гамлета, чувствующего себя продолжением отца. Сам облик отца Карамазова вызывает у его сына негативно-уничтожающие чувства: «Может быть, не убью, а может, убью. Боюсь, что ненавиден он вдрог мне станет своим лицом в ту самую минуту. Ненавижу я его кадьяк, его нос, его глаза, его бесстыжую насмешку. Личное омерзение чувствую». Не отстает от него и брат Иван в своих «родственных» чувствах, замечая об отце и брате Дмитрии: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» В конце концов, незаконный сын старика Карамазова Смердяков убивает отца. Но весь роман — о степени вины каждого из братьев в этом отцеубийстве.

Пожалуй, более других русских любомудров задумывавшийся об этой проблеме Николай Федоров писал: «Нигде антагонизм молодого с старым не дошел до такой крайности, как у нас» [21]. Отчего так?

И везде ли так было? Во всех ли слоях?

Становление русского священника

Внук священника Василия Савина и сын дьякона Ивана Гавриила Иванович Чернышевский был родом из села Чернышево, находившегося в

120 км от Пензы. Это была «глухая глушь», по словам НГЧ. Пенза была не весьма крупным городом. Саратов по сравнению с ней казался столицей. Впрочем, Василий Розанов так и писал о нем, что это столица Нижней Волги. Шаг за шагом нищий мальчик, сын сельского дьякона из мелкого села, шел все выше, пока не стал протоиереем этой самой столицы, посвятив свою жизнь, как того и хотел, разумному служению Богу. Впрочем, и Саратов даже уже в 30-е годы XIX века был изрядной глухоманью. Стоит привести небольшую зарисовку моего героя, вспоминая свое детство: «Если во времена молодости прабабушки не догадывались в селах, что простые люди могут охотиться с ружьем за утками, бекасами, тетеревами, то охота с ружьем на волка была не только тогда, а и много после, слишком сильною надобностью. Уж я был не маленький мальчик, когда каждую зиму все еще случалось, что волки заедали людей, шедших через реку из Саратова в Покровскую слободу — огромное село на другом берегу, несколько повыше города. Расстояние между слободой и городом, вероятно, версты 4, много 5; каждый день летом плывут, зимой идут туда и оттуда сотни людей, значит, эта недалняя дорога слишком не пустынная. А все-таки волки резали на ней. И тоже, я был уже взрослый мальчик, когда слушал, стоя на дворе своего дома, близ берега Волги, как они зывают на той стороне реки. Должно быть, были очень большие стаи, когда вой переносился через реку версты в 2 ½ или 3 шириною. Колокольный звон из Покровской слободы едва слышался, — и то не во всякое время, — на нашем дворе. А волки были не многим ближе» (*Чернышевский*, I, 569).

Существуют две версии, как сын дьякона попал в семинарию. Начну с живописной, показывающей ту дикую бедность, в которой жил низший слой русского духовенства. Вот картинка: «Гавриил Иванович Чернышевский был сыном дьякона. Мать его, вдова, не имея возможности не только воспитать, но и кормить сына, привела его в грязных лаптях к тамбовскому архиерею и, поклонившись, по обычаю того времени, преосвященному в ноги, со слезами на глазах высказала ему свое горе и просила его принять участие в сыне. Осмотревши мальчика, преосвященный велел своему лакею обрезать грязные мохры онуч, отчего мальчик расплакался. Из жалости преосвященный велел принять его, безграмотного, на казенный счет в тамбовское духовное училище. Учился Гавриил Иванович хорошо и переведен был в 1803 году в Пензенскую семинарию» [22]. Берем эту бедность за основу жизни мелких священнослужителей, особенно в глухих местах, но сентиментальная сцена — скорее из диккенсовского романа. Во-первых, мать в тот момент не была вдовой, во-вторых, необходимо было бюрократическое обращение по начальству. И первое прошение написал его дядя. Первые его строчки стоит привести: «Великому господину Преосвященному Феофилу епископу Тамбовскому и Шацкому и Кавалеру Чембарской округи села Студенки ученика философии Никанора Студенского впекорнейшее прошение» [23]. *Великий господин* — особенно хорошо, так и видишь диковатого еще жителя заугольных мест. Прощения дяди оказалось недостаточно, по закону нужно было прошение отца. Отец был при смерти, и новое прошение написал дед: «Имею я у себя, — писал священник, — сына родного той же округи в селе Архангельском Сьюверна тож диакона Ивана Васильева, который, сделавшись весьма болен, просил меня сына его родного, а моего внука Гаврилу представить к лицу Вашего Преосвященства на благоусмотрение для принятия в семинарию ко обучению преподаваемым в оной наукам, которому от роду десятый год, посему я представляю его при сем» [24]. Но все шло по закону. Мальчик сдавал экзамен, и поскольку «просителей внук в российском чтении оказался не худ», его приняли в семинарию.

Надо понимать, что низшее сословие в России фамилий не имело, оно рождалось и умирало, почти не оставляя следов, словно опадала листва с деревьев, как писал Герцен. «Священник, — писал Чернышевский, — это был особенного разряда нищий; нищий — почетного разряда; нищий, живущий, вообще говоря, не в голоде и холоде: или и вовсе не бедно. Но нищий» (XV, 243). Никаких родословных в этом слое не существовало и не могло существовать. Родословная появляется там, где появляется **лицо**, т.е. человек, к которому теперь относятся не просто как к явлению природы. Попавший в семинарию становился не просто юридическим, но значимым лицом. Фамилии давались по фантазии семинарского начальства (скажем, Сперанский, Надеждин, Добролюбов и т.п.), но чаще всего по месту рождения. Гавриил был родом из села Чернышево, отсюда Чернышевский.

Мальчик оказался трудолюбивым, прилежным и способным к усвоению языков. Как всякий разночинец он понимал, что только собственный труд и прилежание помогут ему стать тем, кем он хочет. А свое призвание он видел в одном — быть священником. По окончании семинарии он знал как минимум четыре языка — разумеется, церковно-славянский, латынь, древнегреческий и французский. Латынь была необходимой, на ней преподавали философию и богословие, да к тому же источником многих богословских идей в православии были тексты католиков (собственной теологии в России не было тогда), у Григория Ивановича в личной библиотеке, скажем, были труды блаженного Августина, а церковно-славянский был тем более важен, ибо все богословские книги, включая Ветхий и Новый Завет, существовали только на этом языке. Но вот блистательное знание греческого было редкостью (а он даже стихи слагал на древнегреческом). И, будучи студентом выпускного богословского курса, он по представлению семинарского правления 17 апреля 1812 года становится «учителем низшего греческого класса». Преподавателей греческого языка не хватало, и если на эту должность выдвигался старший семинарист, то это был лучший и примернейший воспитанник. Через два года он занимает должность старшего помощника профессора семинарии, а спустя еще два года (18 декабря 1816) — учителя низшего пиитического класса и, наконец, еще менее чем через полгода — библиотекаря семинарии с сохранением всех прежних поручений.

Но еще до того, как он попал в Саратов, юный семинарист пережил то, что в богословии принято называть *искушением*. Его племянник академик Александр Николаевич Пыпин, всю жизнь поддерживавший своего двоюродного брата Николая, вспоминал:

«Г.И. Чернышевский был во времена моего детства уже человек весьма известный в городе. Он занимал положение благочинного, и я помню его всегда занятым на этой службе, где он был посредником между духовенством и архиерейской властью.

Родом он был из Пензенской губернии (из села Чернышева Чембарского уезда); учился в Пензенской семинарии, где кончил курс в то время, когда пензенским губернатором был Сперанский. Когда Сперанский назначен был генерал-губернатором в Сибирь, он хотел взять с собой в качестве ближайших чиновников кого-либо из лучших молодых людей, окончивших курс в семинарии; ему назвали Г.И. Чернышевского и К.Г. Репинского, — но первый, кажется, усомнился отправиться в далекое путешествие, а Репинский поехал, и отсюда началось его служебное поприще, завершившееся впоследствии сенатом» [25].

Граф М.М. Сперанский

Это заслуживает некоторого размышления, исходя из установки юноши в понимании своего будущего и оценки его жизни земляками-современниками. Существует еще одна точка зрения — его свояченицы (А.Е. Пыпиной), что Гаврила Иванович готов был принять предложение Сперанского, но воспротивилась мать, вдова глубоко провинциального дьякона, скорее всего женщина искренне религиозная и боявшаяся городских соблазнов, мечтавшая, чтобы сын занял место отца. Почему он вдруг оказался таким послушным сыном? Ведь сумасшедшая карьера была в этом случае даже не воображаемой, а вполне реальной. Его приятель-семинарист Репинский дослужился до чина тайного советника и сенатора. Очевидно, эта тема была обсуждаема в семействе Чернышевских-Пыпиных, живших практически одним домом. Ведь предложение исходило как бы от *своего*, от такого же в прошлом семинариста. Скорее всего, сам Гаврила Иванович на эту тему мало говорил, отсюда такие разные предположения родственников. Попробую предложить свой вариант. Думаю, будущий протоиерей не хотел карьеры чиновника, которая поневоле увела бы его от дела, которому он собирался посвятить свою жизнь. Да к тому же судьба самого Сперанского показывала причудливость и непрочность жизни сановника. Для Г.И. Чернышевского это был очевидный **выбор своего пути**.

Зато в следующем, 1818 году он не колеблется и едет в некую неизведанную жизнь, но дающую ему возможность стать священником. Впрочем, как я поясню дальше, он выбрал едва ли не единственную возможность, чтобы осуществить свою мечту. В Саратове умирает протоиерей Григорий Голубев, священник Сергиевской церкви. И вдова Пелагея Иванова обращается в пензенскую духовную консисторию, которой подчинялся и Саратов, с просьбой объявить студента семинарии, «не пожелает ли кто из них поступить на место мужа ее с взятием ее дочери». И учитель пензенской семинарии пришел к архиерею «просить разрешения жениться на старшей дочери Егора Ивановича Голубева» (ХП, 491). Гаврила Иванович поступил в строгом соответствии с тогдашними узаконенными Церковью обычаями. Ведь, как известно, если умирал священник, имеющий в Церкви приход, то преемник занимал место не иначе, как женившись на его дочери.

Но старшей дочери только исполнилось 14 лет. Однако в те годы, особенно в крестьянстве, юный возраст невесты не был препятствием для вступления в брак. Вспомним няню из «Онегина»:

*Да как же ты венчалась, няня?
— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.*

В дальних деревнях юные жены незрелых сыновей становились утешой снохачей. Для просвещенного барина Ставрогина или набоковского Гумберта Гумберта такая девочка — предмет утонченного разврата. Но священник Чернышевский сознавал свою мужскую ответственность перед юной, не созревшей еще телом, да и душой новобрачной. Он воспитывал серьезную мать семейства. Одна из родственниц вспоминала, что, женившись на Евгении Егоровне, Гаврила Иванович берег ее как ребенка, пока она не выросла в девушку, достигшую своего полного физического развития. И первого ребенка, дочку Пелагею, она родила в 1825 году на 22 году жизни. Дочка, увы, прожила всего три недели.

Как он и ожидал, Чернышевский был причислен к Сергиевской церкви и возведен в сан священника.

Сергиевская церковь в Саратове

После обряда возведения в священнический сан он записал на отдельном листочке, вшитом им затем в свой молитвенник: «Родился я, по словам матушки Евдокии Марковны, 1793 года июля 5 дня утром, что было во Вторник, на память преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца, в храме коего Бог сподобил меня быть и служителем себе во благое мне, — служителем святых, пренебесных и достопоклоняемых таинств его, в каковую и должность вступил 5-го же июля 1818. — Дай Боже Великий, чудный в делах промышления Твоего, но редко познаваемый в путях сих, благочестиво и кончить начатое во славу Трисвятого Имени Твоего, молитвами пресвятого Сергия, Радонежского Чудотворца...» [26] Это и в самом деле был его выбор, его установка. Он служил Богу, причем, пройдя школу семинарского образования, служил сознательно и искренне. Стоит привести слова ректора Саратовской духовной семинарии: «Это был один из самых религиозных священников, каких на своем веку я знал. Назвать хотя бы ту редкость, что, будучи уже довольно глубоким старцем, каким я его знал, он ежедневно бывал у всех церковных служб в соборе, от которого жил неблизко, когда от дома своего должен был взбираться к собору на весьма высокую гору, к чему кафедральный протоиерей нимало не обязуется» [27]. Действительно, «не обязуется», но служба его была по душе, а не по обязанности. Конечно, он резко отличался не только от сельских, но и от городских священников, пренебрегавших даже прямыми обязанностями, бравших взятки и пьянствовавших. Неслучайно получил он (все же был замечен) почетную церковную должность в 1828 году: «Мая 21 по предположению преосвященного Иринья, данному Пензенской духовной консистории, определен саратовским градским благочинным». В этой должности он состоял пятнадцать лет. А благочинный — это прямой посредник между архиерейской властью и священниками города, и его первой обязанностью было наблюдение за поведением и нравственностью священнослужителей. Было, наверно, непросто, и врагов он себе нажил. Но в этот год произошло еще событие, высветившее судьбу саратовского протоиерея ярким, можно сказать, историческим светом. Протоиерей записал в молитвенник: «1828 года июля 12-го дня поутру в 9-м часу родился сын Николай. — Крещен поутру 13-го пред обеднею. Восприемн<иками> протоиерей Федор Стеф<анович> Вязовский, вдова протоиерейша Пелагея Ивановна Голубева» [28].

В отличие от дочки сын выжил, но так и остался единственным ребенком в семье. Отсюда отношение к сыну как духовному наследнику, единственному, которому он мог и хотел передать то лучшее, до чего сам доработался в своей трудной жизни. Больше детей не было. Не исключено, что причиной были не очень удачные роды. Мать стала большой женщиной. Как вспоминал НГЧ, «с тех пор, как помню мою матушку, я помню ее беспрестанно страдающею мучительною болью — то в правом боку, то в голове, то в груди, то в правой ноге» (Чернышевский, I, 599–600). Поэтому, думаю, нельзя говорить о бесплодии.

Младшая сестра матери Николая выходила замуж дважды. После смерти первого мужа, от которого у нее осталось двое детей, она вышла за мелкопоместного дворянина Николая Дмитриевича Пыпина и родила еще двадцать детей. Один из них, Александр Николаевич Пыпин, крупный ученый, ставший даже академиком, всю жизнь был верным другом НГЧ, думаю, понимая его значение в русской культуре. Дома и строения обеих семей находились в одной усадьбе, и дети виделись и общались практически ежедневно. На усадьбе жили и другие люди, снимавшие флигеля.

Летом там было много детей. Играли в лапту, бабки, забирались на столб, прыгали через яму, запускали змея. Зимой катались на дровнях или салазках с высоких взвозов — прямо на лед реки.

Дом Чернышевских. Акварель В.А. Пыпиной

Жизнь была небогатой, но *достаточной*. Лишних денег не водилось, но проблем с одеждой и пищей никогда не было. Не было няnek, тем более гувернеров и гувернанток. Вот слова НГЧ: «Оба отца писали с утра до вечера свои должностные бумаги. Они не имели даже времени побывать в гостях. Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги. Они желали быть — и были, — нашими няньками. Но надобно ж обшить мужей и детей, присмотреть за хозяйством и хлопотать по всяческим заботам безденежных хозяйств» (XV, 152).

Все же была и прислуга: несколько горничных, кучер, соответственно в конюшне были лошади, две для выездов, одна для поездок на базар и за водой. Держали кур и павлинов. Сад с грушами, яблонями и вишнями спускался к Волге. В доме Чернышевских было восемь комнат. Столько же и в доме Пыпиных. Обе сестры с мужьями и детьми много лет жили практически одной семьей. В театр не ходили, главное развлечение было чтение, много и часто читали вслух. В доме правили женщины. НГЧ привык, что домом руководит его мать, мужья отдавали все заработанные деньги женам, которые распоряжались и финансами, и всей недвижимостью. Думаю, отдавая своей жене Ольге Сократовне весь свой заработок и полностью подчиняясь ей в делах домашних, Николай Гаврилович воспроизводил архетип родительского дома. Это и был тот средний уровень достатка, который он полагал необходимым для каждого человека, чтобы человек мог развиваться духовно. В семьях не было никогда ссор. Как писал Духовников, все члены обоих семейств подчинялись, уважали и слушались Гавриила Ивановича как старшего; его слово — закон; он не скажет дурного, не сделает предосудительного, в нужде же Гавриил Иванович всегда помогал Пыпиным.

Еще два слова об отце: «В конце жизни кафедральный протоиерей Г.И. Чернышевский, занимавший пост саратовского благочинного с 1828 по 1861 год, был известной и почитаемой личностью в Саратове. За свою священническую и миссионерскую деятельность в Саратовской епархии он получил много церковных наград, в числе которых он имел и самые высокие — два ордена Св. Анны II и III степени, что свидетельствует о признании его заслуг в Синоде» [29]. Заслуг было много, и, надо сказать, Николенька привык отцом гордиться.

Сын, или «Господь дает разум»

Но пора переходить к сыну.

В детстве мальчишкам давалась известная свобода, волжские дети — они и веселились, используя подручные средства: игрушек не было. Хочу показать читателю Чернышевского, которого вряд ли кто может увидеть за сутуловатой фигурой в очках. Вспоминает товарищ детских игр: «Когда мы подросли, то Николай Гаврилович придумал катание на дровнях, которое происходило в отсутствие наших родителей. <...> Бабушкин взвоз, по причине большой покатоности к Волге, представлял очень хорошее место для нашего катания. <...> Любитель больших и сильных ощущений, Николай Гаврилович старался направить дровни на ухабы и шибни, которыми в зимнее время бывал усеян Бабушкин взвоз. Чем больше толчков получали наши дровни, тем нам было веселее. <...> Подкатываясь к последнему кварталу Бабушкиного взвоза, Николай Гаврилович старался направить сани на бугор, чтобы с него можно было скатиться на Волгу, где находилось несколько прорубей, и проскочить через прорубь, конечную цель нашего путешествия» [30].

Н.Б. Терсихоров «Н.Г. Чернышевский в детстве на дровнях»

Образ бурлака Никитушки Ломова неслучаен в его творчестве: физическая сила нравилась юному волгарю. Да и как иначе мог он пережить несколько лет Петропавловского рavelина и десятилетия самого глухого места в Сибири! Кроме силы нравственной, веры в свою нужность России, при этом склонности к самоиронии, необходима была и крепость физическая. Больше я к этой теме возвращаться не буду (если только к случаю), но прошу читателя запомнить написанное о физических способностях одного из первых русских интеллектуалов. Для закрепления этой темы приведу еще один мемуарный эпизод: «Физические развлечения и гимнастические упражнения на свежем воздухе очень укрепили организм Николая Гавриловича и развили его силы. Рассказывают, что в семинарии он почти не расставался с книгою даже во время перемен. Когда шалуны-товарищи начнут беспокоить его и отрывать от занятий, то он выскочит из-за парт, бросится на учеников и прогонит их всех, причем многим порядочно намнет бока. В Саратовской гимназии он также был известен за сильного. Во время перемены иногда учителя испытывали друг друга, кто сильнее, и тягались на палках. Николай Гаврилович большею частью перетягивал даже сильного, громадного роста своего товарища Евлампия Ивановича Ломтева, учителя истории» [31].

Запомним это, к его силе еще вернемся. Но славен Чернышевский в русской культуре не физической силой, а невероятной силой интеллекта, обширностью знаний, которые дополняли друг друга, а не лежали мертвым грузом, каждый предмет на своей полочке: такое бывает часто. Обратимся же к тому, как он приобретал свои знания.

Начну с начала, с цитаты из книги исследователя: «Среди первых составленных отцом прописей, которыми семилетний Николая начал изучение родного языка, значились фразы: “Бога люби паче всего”, “Веруй во Евангелие”, “Господь дает разум”, “Един есть Бог естеством”» [32]. Эти фразы во многом определили его установку. **Вера в разум, в рaцио как божественная установка позволили ему усвоить позже немецкую философию сквозь евангельскую призму, даже когда он этого еще не понимал.** Сам он вспоминал те первые слова, которые вошли в его сознание: «Чаще всех других сословных, деловых и общественных слов, слышались моим ушам до 18 лет: “архиерей, Сергиевская церковь, священник, консистория, обедня, заутреня, вечерня, антиминс, дарохранительница, ризы, камилавка, наперсный крест”» (*Чернышевский*, XII, 492). Детские годы, помимо баловства со сверстниками, он проводил там, где никому из них и не снилось. Поскольку Гаврила Иванович, «идя в церковь, обыкновенно брал с собою и сына и ставил его в алтарь», и до поступления в духовную семинарию мальчик «не пропустил ни одной божественной службы».

В 1835 году начинаются его занятия с сыном, а с 1836 года они приступают к программе духовного училища — программе, рассчитанной на шесть лет, после чего подросток может поступать в семинарию. Домашнее обучение разрешалось до поступления в семинарию, и в деле юного Чернышевского возникла пометка, что он отправлен «в дом родителей для обучения». Уже в семинарском сочинении «Рассуждение. Следует ли отдавать предпочтение школьному воспитанию перед домашним» он твердо отдает предпочтение домашнему как более продуктивному и весьма саркастически изображает школьное: «Что касается воспитания школьного, то при нем собирают в кучу множество учеников самых разных способностей, степени развития, возраста, одаренности, прилежания: может ли учитель достаточно хорошо разобраться в каждом из них? И коль скоро ученики идут по пути образования каждый своей дорогой, то возможно ли от учителя требовать, чтобы он достаточно внимательно наблюдал, не выпускал из виду каждого из них? чтобы он мог одновременно развивать всех учеников, занимаясь с каждым в отдельности, по-разному? чтобы он имел возможность всем преподавать столько же, сколько отдельным воспитанникам? А ведь очень часто то, что полезно и нужно одному, совсем не нужно и даже вредно другому» (*Чернышевский*, XVI, 377).

Приглашенных учителей в доме Чернышевских не было. И домашним учителем во всех нужных предметах и наставником, помогающим развивать ум, был его родной отец.

«Многие думали, что при таких разнообразных занятиях Гавриилу Ивановичу совершенно некогда заниматься со своим сыном; кроме того, каждый священник знает по себе, как трудно готовить детей прямо в семинарию, так как можно забыть все то, что проходило в духовном училище; даже сколько-нибудь сносно подготовить детей к поступлению в духовное училище не каждый священник теперь может, так что принуждены открыть приготовительные классы при духовных училищах. Но Гавриил Иванович в этом, как и во многом, составлял исключение: он свободно читал греческих и латинских классиков, так же знал хорошо математику, историю, французский язык и проч. Любовь к чтению и самообразованию он сохранил на всю жизнь. <...> Он ни разу не советовался ни с кем о том, как и чему учить сына; ему как бывшему инспектору и учителю духовного училища было известно, что проходит в духовном училище. <...> Николай Гаврилович обязан своим образованием единственно своему отцу» [33]. Некоторые авторы пишут, что мыслитель знал девять языков (разумеется, речь шла о чтении и письме). Попробуем посчитать: латынь, древнегреческий, церковнославянский, древнееврейский, французский, немецкий, английский, татарский, арабский, персидский. Судя по его политическим обозрениям в «Современнике», он читал еще на итальянском и нескольких славянских языках. Знакомство со славянскими языками пригодились, когда в университете он учился у великого слависта

академика И.И. Срезневского. В изучении языков он пользовался методом отца, метод этот он потом рекомендовал другим. Надо было взять хорошо известный текст, скажем, Евангелие, на незнакомом языке и тщательно его прочитать.

* * *

И вот здесь стоит отметить одну необычность. Я имею в виду предания и легенды, наполняющие детство творческого человека, из которых можно назвать Пушкина с его переосмыслением народных сказаний и Гончарова с его «Сном Обломова». Но если у Пушкина русские сказания очень часто перемешаны с европейскими и арабскими мотивами, то у Гончарова мы видим сатирически изображенный сказочный русский народный мир. В начале XIX века шло прочтение русского фольклора, были опубликованы богатырские былины, вышел трехтомник сказок Афанасьева, вышли его «Заветные сказки» с народной порнографией. Именно по поводу этого сборника Белинский в своем письме Гоголю заметил, что именно про попов, попадей и поповен сочиняет русский народ самые похабные сказки.

Понятное дело, что в доме священника, тем более столь строгой нравственности, как Гаврила Иванович Чернышевский, даже отголоска подобных тем не звучало. Кстати, интересно, что возрождавший Белинского Николай Гаврилович ни разу не помянул его знаменитое письмо Гоголю, хотя, скорее всего, ему был известен сюжет с Достоевским, который был приговорен к смертной казни за чтение вслух этого письма. С петрашевцем А. Ханьковым он тесно общался, ранние произведения Достоевского усердно читал. Но не видел он в священниках «жеребчачьей породы», как выражался Белинский. Конечно, **Господь дает разум**, но пользоваться этим разумом его учил отец-священник. Не рассказывали у них дома и богатырских былин. Хотя богатыри в те годы (да и потом) были символом русской силы.

В «Русской беседе» (1856, № 4) была опубликована статья Константина Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням». В ней он так характеризовал Илью Муромца: «... в нем нет удалства. Все подвиги его степенны, и все в нем степенно: это тихая, непобедимая сила. Он не кровожаден, не любит убивать и, где можно, уклоняется даже от нанесения удара. Спокойствие нигде его не оставляет; внутренняя тишина духа выражается и во внешнем образе, во всех его речах и движениях... Илья Муромец пользуется общеизвестностью больше всех других богатырей. Полный неодолимой силы и непобедимой благости, он, по нашему мнению, представитель, живой образ русского народа» [34]. Не будем гадать, знал ли Гончаров аксаковскую трактовку, но то, что при создании образа Илюши Обломова образы древних богатырей волновали его творческое воображение, несомненно, ибо это один из сюжетов, который сообщает няня ребенку, маленькому Илюше, формируя его детское сознание: «Она повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали **Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полкане-богатыре, о Колечище прохожем**, о том, как они странствовали по Руси, побивали несметные полчища басурман, как состязались в том, кто одним духом выпьет чару зелена вина и не крикнет». Гончаров слегка иронизирует, но вместе с тем ясно сообщает, что няня «влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни». Разумеется, у Аксакова и, прежде всего, у Гончарова — отрефлектированный эпос, пересказанный вполне рационалистически (что не мешает поэтичности). Эпос свойствен народному духу, но интересен контекст этой эпичности в России. Обратим внимание на начало деятельности Ильи Муромца — это борьба с Соловьем-разбойником и расчистка от разбойников дороги до стольного града Киева. Лесные разбои, которые были почти нормой русской жизни, нашли отражение в русской литературе — и в массовой («Ванька Каин»), и в классике: например, «Жених» Пушкина, про то, как купеческая дочь Наташа попала в лесной вертеп разбойников; можно вспомнить и «Хозяйку» Достоевского, где антагонистом главного героя оказывается атаман разбойников Мурин. Мурин побеждает героя, отобрав у него красавицу Катерину.

Существенна близость русских богатырей, которые противостоят разбойникам, православной учености, почти о каждом в былинах говорится: «Он крест кладет по-писаному, Поклон ведет по-ученому». Это важно оценить, однако в сознании маленького Николеньки сложился образ другого богатыря, который преодолевал разбойников не физической силой, а силой духа и мужеством. Он пересказывает историю, поведанную ему бабушкой, женой священника Голубева. И эта реальная история в силу своей эпичности приобретает мифологический характер.

Поволжские жители, как это характерно для простонародья, реальность дополняли мифами, находя им подтверждение в действительно существовавших артефактах. Такова была пещера Кудеяра-разбойника на берегу Волги.

Жилище и далее пещера — убежище Кудеяра

Вообще замечу, забегая вперед, что жизнь Чернышевского все время шла на грани мифа, он был рационалист, реалист, но творилось с ним все время нечто невероятное. Бабушкину историю стоит привести, она своеобразный камертон к жизни НГЧ:

«К югу, нагорная часть губернии, суживаясь, шла, быть может, и тогда открытым полем, как теперь, а быть может, и там еще было много лесного пространства, а в большей, северной половине нагорной стороны губернии лесное пространство преобладало. И в этих лесах шайки имели прочные, известные окольным жителям оседлости. Рассказов об этом было довольно много; все теперь уже спутались в моей памяти, кроме одного, тоже бабушкина, как и о мнимых разбойниках переселения.

«На новом месте (т.е. на новой должности, на которую переселились из прежнего прихода) батюшка с матушкой жили, Николинька, хорошо. Только кругом были разбойники, и главный атаман у них был Мезин, старик такой почтенный, видный из себя, Этот Мезин уважал батюшку. Вот, раз работник говорит батюшке поутру, что лошадей из хлева увели ночью. У него была пара хороших лошадей. Батюшка так рассердился, говорит: “Еду к Мезину жаловаться”. Матушка не пускает: “Лучше пропадай они, лошади, а у Мезина тебя убьют”, — говорит. — “Пусть убьют, говорит, коли убьют, а я не могу так перенести этого дела”. Ему и лошадей-то жаль, Николинька, и обидно. У Мезина дом был большой, и двор тоже большой, обнесен высоким забором; забор был из брусьев, стоймя, с заостренными концами, а двор крытый. Повели батюшку к Мезину в дом. Мезин сидит в красной шелковой рубашке — это летним временем было. “Зачем, говорит, пожаловал ко мне, батюшка? Тебе ко мне ездить не след”, — сердитый тон подает, чтобы запугать. Батюшка не пугается: “Твои молодцы, говорит, у меня пару лошадей увели. Вороти лошадей”, назвал Мезина по имени-по отчеству. “Нет, говорит, мои твоих лошадей не уведут, это, видно, не мри; и я об твоих лошадях ничего не знаю”. А сам хмурится. Батюшка все свое: “Вороти лошадей; не уйду без них от тебя. Либо убей меня, либо лошадей мне отыщи”. Долго спорили. Мезину не хочется. А батюшка не отстает. Ругался, ругался Мезин, — не то что батюшку ругает, а с досады ругается, в своих словах. “Нечего делать, говорит, не отвяжешься от [тебя], поедем твоих лошадей искать, — хоть мне больно не хочется”. Закричал, чтоб ему подали кафтан, опоясал саблю. Большие дроги ему подали, сел на них с батюшкой, четверо своих разбойников с собою взял; поехали. Ехали долго. Пошли поляны по лесу. Приехали на одну поляну, — не очень большая поляна, в лесу, — Мезин свистнул, — кругом из лесу люди повыскакали, голые все [35], в руках сабли. Стоят кругом, подле деревьев, не на середине поляны, а по краям, Мезин их стал расспрашивать. Они на него кричать стали. Он видит, дело плохо, — надо за вино приниматься, угощать, — а он знал, что нужно, взял с собою вина. Налил им ведро, либо два. Они подошли. Ковер постлали на поляне, сели все, стали пить.

Эти голые сами пьют, и Мезина поят, и батюшку — те отказываются, однако, не смеют, тоже пьют. Выпили разбойники, тогда стали мягче, стали посылать Мезина с батюшкой дальше, — у нас, говорят, твоих лошадей нет, батюшка, а спросите у тех, дальше. Поехали Мезин с батюшкой дальше, опять выехали на другую поляну, и эта поляна как будто лошиною выходит и промежду гор и вроде барака (буерака, оврага). Тут опять Мезин свистнул, — и тут опять повыскакали голые с саблями. Опять стал Мезин спрашивать батюшкиных лошадей, и эти тоже стали ругаться. Тут, батюшка говорил, сам Мезин перепугался. Они начали саблями махать, убивать его хотели. Он перед ними на колени стал, — Мезин, — плачет, упрашивает, чтоб они его не убивали. Вина им налил. Три раза так принимались: они все его и батюшку убивать хотят — он на колени станет, и потом пьют вино. Когда в третий раз напились, совсем сжалились: “Ну, говорят, хорошо, уважим вас”, — что же ты думаешь, Николинька? — ведь привели, отдали лошадей батюшке. А матушка дома сидела, все плакала: не думала, чтоб он живой воротился. И точно, не только ему, самому Мезину смерть была. Но только не знаю, как тебе сказать, в самом ли деле они хотели убить Мезина, или это было от него же, притворство, чтобы батюшку больше запугать, — должно быть, что так. А может быть, и в самом деле те разбойники уж не его шайки были и озлобились на него».

Отношения Мезина к прадедушке показывают, что прадедушка был тогда священником; был ли Мезин его духовным сыном или так питал уважение к его священному сану и, без сомнения, честной жизни, этого не видно из рассказа; неизвестно также, где и как был крытый, огороженный заостренными брусьями дом Мезина, — в лесу, как дом человека, формально живущего вне покровительства законов, или в селе, где, может быть, и угощались у него местные чиновники, — я хочу сказать, что остается неизвестно, на каком основании занимал еще атаманское положение этот Мезин: только ли избегал он наказания ловкостью, храбростью шайки и, быть может, содействием окрестных жителей, уведомлявших его о всякой опасности, — или он был выше, сильнее мелких местных властей? — Это второе предположение я делаю потому, что аккуратно каждое воскресенье во все мое детство видел своими глазами спокойно молящегося в нашей церкви человека, под командою которого производились грабежи его подданными. Если в 30-тых годах действия таких шаек с явно живущими в обществе и также явно атаманствующими главами должны были ограничиваться воровскими формами грабежа, то в конце прошлого века натурально было им действовать шире, с формами настоящего разбоя. Этот знакомый мне в лицо атаман, наш прихожанин, точно так же уважал моего батюшку, как Мезин прадедушку» (*Чернышевский*, I, 571–573).

Священник-прадедушка и был тем богатырем, который безоружным не побоялся прийти к атаману разбойников и заставил того нарушить его разбойничью этику. Таким же был и его отец, которого уважал другой атаман, прихожанин церкви Гавриила Ивановича. Это означало, что по духу священник сильнее даже лесного и подземного мира, ему дано нечто высшее, что перебарывает земных злодеев. Власть не в состоянии им противостоять: не в полицию пошел прадед, а сам от себя действовал. Тем более что известен был случай, когда старушки, приятельницы его бабушки, заметили на пустынной Соколовой горе в пещере огонь и решили, что скоро объявятся в Саратове святые мощи. Но дальше выяснилось, что в пещере было логово банды, во главе которой стоял частный пристав города, офицер. Как сейчас сказали бы, «оборотень в погонах».

Образец для подражания

И уже в университете Чернышевский, теперь сознательно ориентируясь, кого он может взять за образец для жизни, записал в дневник: «Мнение мое о паленке понемногу, но постоянно все подымается, все более и более ценю его: христианская кротость, смирение, непамятозлобие, много того, что у Альворти в “Томе Джонсе” — непоколебимое благородство; **я более и более сознаю сходство между им и мною в хорошие моменты моей жизни** (курсив мой. — *В.К.*) или во всяком случае между тем, что я сам считаю за хорошее в человеке» (*Чернышевский*, I, 64). Отстаивать свою правоту и не бояться того, кто сильнее тебя, — так Чернышевский и жил всю жизнь.

Отец научил его учиться. Как вспоминал его бывший соученик по семинарии Александр Раев, «без книги в руках трудно было его видеть; он имел ее в руках во время употребления пищи за завтраком, во время обеда и даже в течение разговора. Читал он книги самые разнообразные и преимущественно те, которые находились в библиотеке его отца. Эту библиотеку составляло: Христианское чтение, Энциклопедический лексикон; но были и другие книги, доставшиеся Г.И. Чернышевскому от его тестя, протоиерея г. Саратова Голубева. Страсть Н. Чернышевского к чтению была поразительна; под его влиянием и прочел в то время римскую историю Роллена, переведенную на русский язык. Н.Г. Чернышевский в 10 лет имел столь обширные и разносторонние сведения, что с ним едва могли равняться 20-летние, а тем более 15-летние. Кроме немецкого языка, я не помню, чтобы кто-либо учил его; гувернеров у него не было; отец его говорил с ним о разных предметах как бы мимоходом. Н.Г. преимущественно учился сам непосредственно и будучи 13-летним мальчиком содействовал мне в подготовке к экзамену для поступления в высшее уч. заведение» [36].

Если вспомнить, что НГЧ после публичной казни, которую современники называли своего рода распятием на кресте, весьма часто сравнивали с Христом, то стоит вспомнить, что уже мальчиком Иисус вел беседы с еврейскими мудрецами как равный: «И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет. Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем. Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. (Лк. 2, 39–47)».

Он называл себя библиофагом, пожирателем книг. Это было нечто вроде запоя, о котором он писал, что запой в России — вариант того, что в Англии называется меланхолией, приводящей к сплину и к пуле в лоб. Меланхолия — это результат тоски от окружающей жизни. Но здесь его запой совпадал с тем, что добивался от него отец. Его жажда рациональности, опоры на книгу, на разум не могла преодолеть ту тоску, которая его грызла, — тоску от несовершенства мира. Ему хотелось понять механику мира, не ломая его, но как-то усовершенствуя. Червь точил его, как запойного человека. Однажды, на 21-м году жизни, Н.Г. Чернышевский написал в студенческом дневнике: «Не буду ли после недоволен папенькою и маменькою за то, что воспитался в пеленках, так что я не жил, как другие, не любил до сих пор, не кутил никогда, что не испытал, не знаю жизнь, не знаю и людей и кроме этого через это самое развитие приняло, может быть, ложный ход, — может быть» (*Чернышевский*, I, 49–50).

И все же жизнь он знал, не мог не знать. Видел ее хорошо. Скажем, что такое запой? Вряд ли об этом расскажет человек, не знающий жизни. Чернышевский знает и может объяснить. Он различает понятия «пьянствует» и «пьет запоем». Пьянство — это просто грех, а запой — нечто иное, что человек преодолеть не может. Он, конечно, иронизировал над объяснением простого народа, но все же знал, «отчего по рассуждению саратовцев моего времени происходит запой. Это объяснение тоже немудрено: “под сердцем” у человека заводится “особенная глиста, вроде, как бы сказать, змея”, и “сосет” ему “сердце”, — но когда он пьет, часть вина попадает в рот змеи; нужно очень долго обливать ее вином, чтобы она опьянела, — наконец, она опьянеет, — и надолго, очень надолго; тогда, разумеется, страдание проходит, — ведь она лежит пьяная, не сосет сердца, и надобность в вине минуется для человека до той поры, когда хмель змеи, — через несколько месяцев, — проходит: тогда опять надобно пить. Замечательным подтверждением этому приводилась догадливость одного страдавшего запоем купца: он рассудил, что чем крепче напиток, тем скорее усыпит змею, — и попробовал, когда пришло время запоя, начать стаканом самого крепкого рома: змея опьянела с одного стакана, — а сам он еще остался трезв, потому что был здоровый, — и надобность пить исчезла. Но, опьянев так быстро, змея и опьянела не так надолго, как от долгого обливания водкою; через неделю опять начала сосать сердце. Он опять выпил стакан рома, и опять успокоился. Таким образом, благодаря своему уму, он отделялся от запоя несколькими стаканами рома в год. Саратовцы буквально поняли два выражения: о тоске, “змея сосет сердце”, — и о рюмке водки перед закускою: “заморить червяка”, — свели оба выражения в одно, получили полное объяснение причины запоя и удовлетворились» (*Чернышевский*, I, 616).

Какая же змея сосала сердце Чернышевского, уводя его в запой чтения? Ну, тоска от провинциальной жизни... Хотя мальчик еще не может чувствовать себя провинциалом. Но все же для такой всепоглощающей тоски он был слишком молод. И потом хандра, тоска, сплин и в самом деле ведут к пуле в лоб и реальному запое. Пушкин описал тоску Онегина, который «отрядом книг оставил полку / Читал, читал, а все без толку». Николай Чернышевский читал все, что попадало под руку, и с толком, с годами вырабатывая вкус к лучшему: как Достоевский в те же годы, он бредил Шиллером, Гёте, Жуковским, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем... Нет, слово я употребил не очень точное, это не запой, или запой особого рода... Могут сказать, желание славы... О славе он думал. Но не просто о славе, любой, любой, лишь бы его имя звучало. В тетради под диктовку отца среди прочих сентенций было несколько выражений о славе, которые, варьируясь, повторялись много раз. Вот пара примеров: «Любовь к славе есть главнейшая страсть всех вообще людей», «Богатство тленно, слава бессмертна». Сошлюсь опять на архивный текст, правильно вычитанный по сравнению с публикацией: «Высказав ему, чего хотелось бы мне, я спросил его, чего он желал бы. С 1-го раза он уклонился прямого ответа на этот вопрос, а потом сказал: “Славы я не желал бы — это убивает”. На меня это сделало впечатление» [37]. Очевидно, в этот момент он думал о «медных трубах», которые были ему противны. Именно это генеральство славы он не принимал потом в Герцене. Но о себе он думал как о человеке, который может нечто сделать для России, это было для него важно: «Если писать откровенно о том, что я думаю о себе, — не знаю, ведь это странно, — мне кажется, что мне суждено, может быть, быть одним из тех, которым суждено внести славянский элемент умственный, поэтический и нравственный и практический мир, или просто двинуть вперед человечество по дороге несколько новой. Лермонтов и Гоголь, которых произведения мне кажутся совершенно самостоятельными, которых произведения мне кажутся, может быть, самыми высшими, что произвели последние годы в европейской литературе, <...> доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия» (*Чернышевский*, I, 127).

«Великим быть желаю, / Люблю России честь», — писал юный Пушкин. А вот восклицание начинающего студента (1846): «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и возделеннее этого? Попросим у Бога, чтобы он судил нам этот жребий» (*Чернышевский*, XIV, 48). Это из письма к отцу, на которого, повторю это, он ориентировался. В семинарии его мальчика называли «светилом», и существует легенда, что проезжий епископ, останавливавшийся и гостивший у саратовского протоиерея, назвал его сына Николеньку «надеждой русской Церкви». Так что у юноши были основания думать о себе высоко. Но была еще одна причина. Об этой причине чуть позже.

Пока же подчеркнем, что он собирался по принятому им замыслу отца поступить в духовную академию и делать церковную карьеру. Богословие в России только начиналось, еще до Флоренского, Булгакова, Карташова было более полустолетия. Надо сказать, что среди церковных авторов в библиотеке протоиерея были книги двух великих богословов XVIII столетия — Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, которые его сын внимательно читал (о чем написал в воспоминаниях). И еще в семинарии он показал себя знатоком Библии и церковных книг: «В риторике и философии не было особых уроков по Священному Писанию, которое, впрочем, вскоре стало изучаться как самостоятельный предмет. На учителя словесности, Воскресенского, возлагалась обязанность прочесть какую-нибудь книгу из Библии или две книги; обыкновенно Воскресенский в первую половину учебного года читал “Книгу Бытия” без всяких объяснений, разве изредка объяснит что-нибудь. Николай Гаврилович, начитавшись книг духовного содержания и, вероятно, подготовившись дома, под руководством отца, умел объяснить многие места священной книги, чем и приводил в изумление учеников» [38].

Сочинения Чернышевского в семинарии

Думаю, у Чернышевского были основания написать в «Полемических красотах», возражая профессору Киевской духовной академии Юркевичу, что поднимаемые им темы он продумывал еще в семинарии. Тут многое любопытно: и возражение профессору Духовной академии, где он хотел учиться, и тема статьи профессора («Из науки о человеческом духе»), и доводы НГЧ: «Статья г. Юркевича написана, как оказывается, в опровержение моей статьи об антропологическом принципе. <...> Все мы, семинаристы, писали точно то же, что написал Г. Юркевич. Если угодно, я могу доставить в редакцию “Русского вестника” так называемые на семинарском языке “задачи”, то есть сочинения, маленькие диссертации, писанные мною, когда я учился в философском классе саратовской гимназии» (*Чернышевский*, VII, 725–726). Стоит отметить не только темы, но и оценки семинарских профессоров. Причем замечу, что почти все религиозные максимы, по поводу которых он писал сочинения, вошли в стиль его поведения. Как написал Владимир Соловьев, поведение Чернышевского, особенно после ареста и на каторге, было поведением христианского подвижника. Столь же очевидно, что направление Саратовской семинарии, судя по темам, бесспорно было близко просветительским идеалам, не говорю уж об обязательных сочинениях на латинском и татарском (что важно, ведь в губернии значительный процент составляло татарское население). Вот список некоторых из его сочинений.

Рукописи ученических лет Чернышевского (1836–1845)

№ 63/792. Рукопись в четвертку на 4 листах, из которых 2 листа заняты текстом. На первом листе рукою Чернышевского написано: «Задачи

ученика Нисшего Второго Отделения Николая Чернышевского. Задач по словесности — русских 32, латинских 21, задач по Всеобщей истории — 10, отчета 4/г листа». На л. 2-м план сочинения на тему: «Вера утешает человека». На обороте 2-го л. рукою преподавателя написано: «Очень хорошо».
Рукопись относится к 1843 г.

№ 64/793' «О следствиях книгопечатания».

Семинарское сочинение Чернышевского, на 2 лл. писчей бумаги в четвертку. Внизу 1-го л. написано: «Николай Чернышевский». На 2-м л. отметка преподавателя: «Очень хорошо».
Рукопись относится к 1843 г.

№ 67/796. «Почему монархическое правление выгоднее республиканского?».

Семинарское соч., на 2-х лл. писчей бумаги, в четвертку. На 1-м л. надпись: «Николай Чернышевский». На последнем л. отметка преподавателя: «Отлично, хорошо».
Рукопись относится к 1843 г.

№ 77/806. «Речь римлянина Муция Сцеволы Порсене, царю Клувийскому, после того как он убил, вместо самого царя, писца его». Перевод с латинского. На 2-х лл. в четвертку. На 1-м л. подпись. «Николай Чернышевский». На 2-м л. отметка учителя: «Перевод верен, точен и весьма хорош».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 78/807. «М. Аттилий к Сенату Римскому о том, что не должно разменивать военнопленных». Перевод с латинского. На 4-х л. л., из коих 3 заняты текстом. На 1-м л. подпись: «Николай Чернышевский». В конце рукописи отметка: «Перевод зрелый и весьма хороший».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 82/811. «Расположение слова — Не приемли имени господя Бога твоего всуе». — Исход, XX,7/ Семинарское соч. На 2 л. л. в четвертку, с подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «Изложение связно и очень хорошо».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 83/812. «Вси, хотящий благочестно жити о Христе Иисусе, гонимы будут», 2 Тимоф. 111, 12. Сочинение на 4 л. л. в четвертку, с подписью Чернышевского (на 1-м л.) и отметкой преподавателя (на последнем л.). «Сочинение очень дельное, но приноровления к слушателям не сделано. Во всем изложении заметна холодность, которая не шевелит души».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 84/813. «Кто гонители людей благочестивых?» — План сочинения. На 2 лл., в четвертку, с подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «Расположение имеет силу и достоинство 15 ноября» (1843 г.).

№ 87/816. «Самые счастливые природные дарования имеют нужду в образовании себя науками». Сочинение на 2 лл., в четвертку, с подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «Написано стройно и очень хорошо».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 95/824. «Мир управляется промыслом Божиим». Сочинение на 4-х лист, в четвертку, с подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «О. хорошо».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 96/825. «Прежде смерти никто не может почитать себя счастливым». Сочинение на 4-х лл. в четвертку, из коих 3 заняты текстом. С подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «Весьма хорошо. Сочинитель подает лестную надежду».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 97/826. «Несчастия приближают нас к Богу». Сочинение на 2-х лист., в четвертку, из коих 1 л. занят текстом, с подписью Чернышевского, с поправками и отметкой преподавателя: «В изложении нет круглоты и стройности».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 99/828. «Праведник, яко гора Сион не подвижется вовек». Сочинение на 2-х лл. в четвертку, из коих 1 лист занят текстом, с подписью Чернышевского и отзывом преподавателя: «Можно питать надежду, что автор со временем будет мастер хороший своего дела».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 100/829. «Должно обуздывать страсти». Сочинение на 2-х лист, в четвертку, из коих 1 лист занят текстом, с подписью Чернышевского и отметкой преподавателя: «Хорошо».

Рукопись относится к 1843 г.

№ 130/859. P.1. «Poenitentia purgat peccata» (Упражнение — «хрия» на тему: покаяние очищает грехи).

Ученическое соч. Ч-го на латинском яз. на 2 листах в четвертку писчей бумаги

На л. 1 латинская подпись Ч-го; на л. 2 об. отметка преподавателя: «Valda bene» (верно и хорошо).

№ 130/859. P. 1. «Poenitentia purgat peccata» (Упражнение — «хрия» на тему: покаяние очищает грехи).

Ученическое соч. Ч-го на латинском яз. на 2 листах в четвертку писчей бумаги.

На л. 1 латинская подпись Ч-го; на л. 2 об. отметка преподавателя: «Valda bene» (верно и хорошо).

№ 142/871. «Nullum factum potestesse utile, quod vitilis sit in quinquatum» (Никакое дело не может принести пользы, если оно запятнано пороками).

Семинарское соч. Ч-го на лат. яз. на 2-х лл., в четвертку писчей бумаги, с поправками учительской руки.

Л. 2 не занят текстом.

На л. 1 латинская подпись Ч-го; на л. 1 об. — отметка преподавателя: «bene» (хорошо).

Рукопись относится к 1844 г.

№ 147/876. «Nomini injuram tacito» (Никому не причиняй несправедливости).

Семинарское соч. Ч-го на лат. яз., на 2-х лл. в четвертку, с лат. подписью Ч-го (л. 1) и отметкой преподавателя (л. 2): «bene» (хорошо).

Рукопись относится к 1844 г.

№ 148/877. «Ученические упражнения» Ч-го т. н. «хрия» — на тему: Sacra Scriptura sedulo legenda est (Нужно усердно читать священное

писание).

Рукопись на 2 л.л. в четвертку формата писчей бумаги, с поправками в тексте.

На л. 1 лат. подпись Ч-го; на л. 2 об. — отзыв преподавателя: *Sensa admodum bona et rei propria dantur* (мысли высказываются весьма хорошие и соответствующие теме).

Рукопись относится к 1844 г.

№ 153/882. Упражнение в составлении периодов на тему: «*Prava consortia sunt vitanda*» (нужно избегать дурных сообществ)

Ученическая работа Ч-го на латинск. яз. на 2-е л.л. в четвертку, с поправками в тексте учительской руки.

На л. 1 лат. подпись Ч-го; на об. л. 1-го отметка преподавателя: — «*Recte et bene*» (верно и хорошо).

Л. 2 не занят текстом.

Рукопись относится к 1844 г.

№ 199/925. «О необходимости чтения хороших книг». Сочинение Ч-го, написанное на 2-х л.л. в четвертку. На 1-м л. подпись Ч-го; на

последнем отметка учителя: «Очень хорошо».

Рукопись относится к 1845 г.

№ 212/938. «Дозволительно ли сомнение касательно истин религии?» Семинарское сочинение Ч-го на 12 л.л. в четвертку, с подписью Ч-го

(на 1-м л.) и отзывом преподавателя (на 12-м): «Весьма хорошо». Рукопись 1845 г.

№ 213/939. «Начало премудрости — страх Господень». — Семинарское сочинение Ч-го на 8 л.л. в четвертку. Внизу 1-го л. его подпись; на

последнем л. (8 об.) — отзыв преподавателя «Сочинитель подает о себе добрую надежду».

Рукопись 1845 г.

№ 216/942. Селения Саратовской губ. с татарскими названиями — Черновики работы Ч-го. На 1 л. рукою Ч-го написано: «по поручению

преосвященного, о селениях Саратовской губернии с татарскими назв. “1845”». В тексте встречаются поправки, сделанные рукою Гавр. Иван.

В рукописи 22 разл. меры листа.

№ 218/944. Рукопись на 36 стран, в полулист формата писчей бумаги, содержащая черновики ученических работ Ч-го. На л. 1 дата: «1У/29

—1845» и татарские надписи.

На стр. 8 заголовок работы: «Космология». На стр. 17 — «О теизме».

На стр. 22 сокращенная подпись: «О сущности мира».

Стр. 34, 35 и 36 не заняты текстом.

Рукопись писана посредством сокращения слов.

№ 220/945 Грамматические упражнения на еврейском языке. Рукопись на 12 л.л. в полулист писчей бумаги, из коих 3 последние л.л. не

заняты текстом.

Листы рукописи разделены вертикально на 8 столбцов, в которых вписаны еврейские слова с пояснением на лат. и русск. языках.

На л. 7 — перевод с еврейского на русский места из книги Исход, повествующего о приходе евреев к горе Синай.

Рукопись относится к 1845 г. [39]

Интересно, что семинарскому правлению «приходилось доносить о сочинениях Николая Чернышевского архиерею, который велел все представленные ему сочинения, как выдающиеся, хранить в библиотеке семинарии» [40]. И в примечаниях Духовников добавляет: «Отдавая распоряжение хранить ученические сочинения Чернышевского в библиотеке, преосвященный (преосвященный Иаков, архиепископ нижегородский и арзамасский. — *В.К.*), вероятно, имел намерение когда-нибудь их отпечатать» [41]. Это намерение тогда так и не осуществилось.

Некоторые из них были напечатаны в последнем (дополнительном) томе собрания сочинений НГЧ. Разумеется, не латинские его тексты и не упражнения в древнееврейском, а лишь посвященные общим проблемам истории и на русском языке. Читая их, и в самом деле поражаешься не только ясности мысли, но страстно сдержанной трагической интонацией. Пятнадцатилетний подросток отчетливо видит сложность осуществления просвещения и какую-то понимающую грусть от нелепости людской, которая гонит тех, кто хочет облегчить путь к свету. Выберем один из самых небольших текстов — «О следствиях книгопечатания». И с первой фразы мы видим понимание трагической судьбы людей, что-то очень важное дарящих людям. Неслучайна, наверное, легенда о Прометее, который за свои дары людям был прикован к скале. Но славного Гуттенберга мы привыкли хвалить спустя столетия после его изобретения, не зная даже, как оно входило в жизнь.

Чернышевский знает: «Чем лучше вещь или человек, тем сильнее вооружается противу них зависть: этой участи не избежал и Гуттенберг и его великое изобретение: не только стали отнимать у него право, что ему первому пришла мысль о подвижных буквах и печатанье ими, но и начали уменьшать заслугу его и даже говорить, что оно принесло более худого, нежели хорошего. Но это совершенная неправда: благие следствия книгопечатания неисчислимы и неоценимы».

И далее поразительное сопоставление: сравнение книгопечатания с христианством. Видимо, для НГЧ это были явления одного порядка — несущие свет. Он пишет: «Что типографии, умножив до невероятности число книг и уменьшив чрезвычайно их цену и сделав чрез то науки более доступными каждому, принесли тем неоценимую доселе пользу, об этом не нужно распространяться, и не нужно этого доказывать потому, что никто в этом не сомневался и не сомневается. Но должно опровергнуть то возражение, которым хотят уменьшить пользу книгопечатания, именно то, что будто бы книгопечатание имело дурное влияние на нравы, умножив число дурных книг. Но злоупотребление не есть употребление и следствие: иначе должно сказать, что и христианская религия была пагубна для человечества: сколько десятков миллионов погибло и погублено, сколько преступлений совершено во имя веры и креста! Страсти человеческие все могут употребить во зло» (*Чернышевский*, XVI, 371).

Страсти человеческие чуть не погубили его отца и задали поворот в его судьбе. Вместо духовной академии он решил (с благословения отца) поступать в университет.

* * *

С этих страстей и надо, видимо, начать рассказ о том, почему отец изменил свое решение отправить сына в духовную академию, переориентировав Николеньку на поступление в университет. 18 ноября 1843 года Гавриил Иванович «был уволен от присутствия в саратовской духовной консистории за неправильную записку незаконнорожденного сына майора Протопопова, Якова, родившегося через месяц после брака; при сем увольнении представлено ему от епархиального архиерея занимать при церковном богослужении то же место, какое он занимал, будучи членом консистории» [42]. Необходимо пояснить, что речь тут о том, что сын майора Яков был записан как незаконнорожденный, в то время как за месяц до его рождения родители обвенчались, но тайно, о чем протоиерей Чернышевский, разумеется, не знал. Интригу против протоиерея провел некто Рыжкин, который спустя несколько лет признался в этом и просил прощения у Гавриила Ивановича. Другие же члены консистории поддержали Рыжкина, поскольку протоиерей Чернышевский мешал им брать взятки. Все

это понимали, но делу был дан ход, и несправедливость восторжествовала. Как сам протоиерей писал родственникам, епископ Иаков плакал, зная его невинность. 15 июля 1850 года указом Синода дело увольнения Г.И. Чернышевского из Консистории в 1843 году «велено не считать препятствующим на будущее время к награждению знаками отличия» [43]. Тем не менее, беспомощность священника в государственной структуре здесь с очевидностью проявилась. И для отца Николая Гавриловича, человека, выполнявшего с рвением все свои обязанности, стало ясно, что на этой стезе его одаренный сын не сможет достигнуть независимого положения.

Когда стало известно, что Николенька собирается в университет, семинарское начальство было удивлено и, похоже, даже немного огорчено и разочаровано. Сохранился такой диалог инспектора семинарии с матерью НГЧ:

«Инспектор семинарии Тихон, встретивши Евгению Егоровну у кого-то в гостях, спросил ее:

— Что вы вздумали взять вашего сына из семинарии? Разве вы не расположены к духовному званию?

На это мать Николая Гавриловича ответила ему:

— Сами знаете, как унижено духовное сословие: мы с мужем и порешили отдать его в университет.

— Напрасно вы лишаете духовенство такого светила, — сказал ей инспектор» [44].

Мать благословила сына иконой, созданной безвестным саратовским художником по картине Рембрандта «Жертвоприношение Авраамом Исаака». Увы, почти все в жизни Чернышевского — символ на символе.

Рембрандт Харменс ван Рейн «Жертвоприношение Авраама», 1635

* * *

Правительство Николая I о просвещении духовенства и, тем самым, народа заботиться не желало. Результаты очевидны.

Вот как оценивал ситуацию С.Н. Булгаков: «Великий народ, беспомощный, **беззащитный духовно** (подчеркнуто мной. — В.К.), как ребенок, находящийся на уровне просвещения почти что эпохи св. Владимира, и интеллигенция, которая несет просвещение Запада, преимущественно с разными последними словами, сменяющимися с быстротою моды, и которая, как ее ни утверждают и ни отстраняют, находит и, конечно, будет находить дорогу к этому ребенку. Два электричества: когда они соединятся, что дадут они — благотельный свет и тепло или разрушительную и испепеляющую молнию?» [45] Как мы знаем теперь, в русскую жизнь ударила испепеляющая молния, выжигая наработанные за долгие и трудные годы исторического развития элементы европейской и христианской цивилизации в ее православном варианте.

Примечания

1. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Соч. В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 207–208.
2. Данилевский А. Н.Г. Чернышевский в «Приглашении на казнь» В.В. Набокова (об одном из подтекстов романа) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II (Новая серия). Тарту, 1966. С. 209–225.
3. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука, 2012. С. 141.
4. Розанов В.В. Русский Нил // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. С. 526.
5. Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16-ти т. М.: ГИХЛ, 1939–1953. (Т. 1. С. 579). В дальнейшем все ссылки на это издание дается в тексте

в скобках (с римской нумерацией томов и арабской страниц).

6. *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996. С. 64–65. Хотя бы в примечаниях надо отметить, что помимо основных европейских языков, с которых Чернышевский переводил, на которых читал, он свободно знал латынь золотого века — в молодости его любимым автором был Цицерон (на латыни, разумеется). Но также знал он и азиатские языки — татарский, арабский и персидский. Почти евразийская школа, но антиевразийская. Он был, что называется, русский европеец.
7. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М.: изд-во Московского университета, 1983. С. 147.
8. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. Т. VII. М.-Л., 1949. С. 344.
9. Там же. Т. VIII. С. 126.
10. *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1978. С. 15–16.
11. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 307.
12. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. С. 309.
13. *Живов В.М.* Краткий словарь агнографических терминов. М.: Гнозис, 1994. С. 25.
14. *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М.: Художественная литература, 1994. С. 609.
15. «Христианизация деревни — дело не XI и XII вв., а XV и XVI, даже XVII в.» (Аничков Е.А. Язычество и Древняя Русь. М.: Индик, 2003. С. 306).
16. *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит Московский // *Федотов Г.П.* Собр. соч. в 12-ти т. Т.3. М.: Мартис, 2000. С. 5.
17. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М.: Наука, 1979. С. 58.
18. *Хомяков А.С.* О старом и новом // *Хомяков А.С.* Соч. В 2-х т. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 461.
19. *Катков М.Н.* О церкви. М., 1905. С. 20.
20. *Соловьев В.С.* Византизм и Россия // *Соловьев В.С.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С.578.
21. *Федоров Н.Ф.* Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 77.
22. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова) // Чернышевский в воспоминаниях. В 2-х т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 25.
23. Цит. по: *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. С. 17.
24. Там же. С. 18.
25. *Пыпин А.Н.* Мои заметки. С. 48–49.
26. *Ляцкий Евг.* Н.Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет // Современный мир. 1908. № 5. С. 47.
27. *Никанор (Бровкович А.И.), архиепископ Одесский и Херсонский.* О значении семинарского образования (По поводу смерти Чернышевского) // саратовские епархиальные ведомости. 1890. № 1. С. 608.
28. Цит. по: *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. С. 33.
29. *Захарова И.Е.* Материалы к биографии Г.И. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования материалы. Сборник научных трудов. Вып. 18. Саратов: 2012. С. 124.
30. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1982. С. 31–32.
31. Там же. С. 33.
32. *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. С. 35.
33. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова). С. 35.
34. *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М.: Современник, 1982. С. 120.
35. Чернышевский комментирует рассказ бабушки: «Что это значит, я не знаю. Разделись ли они для того, чтобы быть страшнее, как люди совершенно отчаянные, пренебрегшие уже всеми приятными в обещаниях правилами? Тогда это производило на меня такое впечатление. Или бабушка не совсем поняла в детстве рассказ отца, говорившего о голых саблях, а не о том, что сами разбойники были без рубах? Но нет, она тоном, голосом показывала, что именно это обстоятельство было важно, производило на ее батюшку и на самого Мезина такое же ужасное впечатление, как на меня».
36. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Чернышевский Николай Гаврилович. Воспоминания А.Ф. Раева о Н.Г. Чернышевском. 2 варианта. Один вариант — автограф и рукописная копия, второй вариант — копия рукой М.Н. Чернышевского. Текст воспоминаний А.Ф. Раева, подготовленный к публикации Н.М. Чернышевской с ее комментариями. Крайние даты: [1890 г.] — 1931 г. Кол-во листов: 74. ЦГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 618. Текст дан мне И.Е. Захаровой, за что я ей весьма признателен.
37. Воспоминания А.Ф. Раева о Н.Г. Чернышевском. ЦГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 618 ЦГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 618. Указано И.Е. Захаровой.
38. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1982. С. 47.
39. Рукописи ученических лет Чернышевского (1835–1846) // Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1928): Неизд. тексты, материалы и ст. / Под общ. ред. С.З. Каценбогена. Саратов: [б. и.], 1928. С. 338–353.

40. *Духовников Ф.В.* Николай Гаврилович и его жизнь в Саратове // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1959. С. 47.

41. Там же.

42. Из послужного списка Г.И. Чернышевского (цит. по мемуарам Ф.В. Духовникова, с. 50).

43. Цит. по: *Захарова И.Е.* Материалы к биографии Г.И. Чернышевского. С. 128.

44. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова). С. 50.

45. *Булгаков С.* О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения (Интеллигенция и революция). Новосибирск: Наука, 1991. С. 135.

Темы: [литература](#), [Чернышевский Николай](#)

Комментарии

0 Комментариев

Gefter.ru

1 Войти

♥ Рекомендовать

🔗 Поделиться

Лучшее в начале

Начать обсуждение...

Прокомментируйте первым.

✉ Подписаться   **D** Добавить Disqus на свой сайт   Добавить Disqus   Добавить
 🛡 Конфиденциальность

[Внутри герменевтического круга?](#)

"Подход историка-медиевиста Йоханнеса Фрида можно назвать феноменологическим: в докладе и последовавшей затем дискуссии он пытается сквозь исторические свидетельства — субъективные, относительные и потому ненадежные — увидеть историческую реальность..."

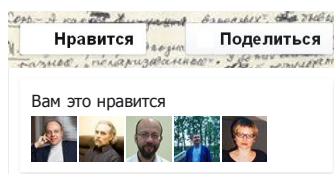
Николай Поселягин

Феноменология историографии

[«Challenges of Participatory Culture: Methodologies and Perspectives of Research»](#)

[В кулуарах большой международной конференции ИГИТИ им. А.В. Полетаева](#)

Follow @gefter_ru 569 followers

Интернет-журнал "Гэфтер"

М. Гэфтер

Интернет-журнал
"Гэфтер"

Подписаны 1 860 человек

Подписаться на новости

[Общество, как и Россия нынешняя, возникает, преодолевая ношу пространства. Жесткая зависимость: без демонтажа властной вездесущности не пробиться к многоукладности, без последней неизбежны пароксизмы социума власти.](#)

Михаил Гэфтер. Из «Россия: диалоги вопросов»
Самое читаемое за месяц

Редакция

[Батьево нашествие: русским тогда еще повезло!](#)

5 504

Андрей Самохоткин

[Жалость на пути к свободе](#)

5 274

Татьяна Щербина

[В плену отложенной катастрофы](#)

2 587

Себастьян Хафнер

[«Великая Германия» глазами частного человека: история болезни](#)

2 364

Михаил Немцев

[Нищета сталинизма](#)

2 069

[Тезаурус](#)

[Россия](#) (209)

[СССР](#) (119)

[философия](#) (86)

[историография](#) (84)

[литература](#) (83)

[Контакты](#)

[Партнеры](#)

[О проекте](#)

© [Михаил Гэфтер](#), 2012-2016.